

КАРИНА ДЕМИНА

ВЛАДЕТЕЛЬ
НИКОФОРЪ ХЕРИМА

Карина Демина
Владелец Ниффльхейма

«Автор»

2013

Демина К.

Владетель Ниффльхейма / К. Демина — «Автор», 2013

«Свалку давно уже собирались закрыть, лет десять или даже двадцать. Упорно собирали подписи, устраивали митинги протеста и даже высадили на окраине с десятков молодых тополей. Но, несмотря на все усилия, свалка продолжала существовать. Она проглотила и тополя, и акты Госсанэпидемнадзора, и петиции со всеми подписями, как глотала тонны и тонны иного мусора, который производился городом...»

© Демина К., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Часть 1. Мир-которого-не-бывает	6
Глава 1. Воробьи и вороны	6
Глава 2. Поездка в никуда	11
Глава 3. Кошка-которая-гуляет-между-мирами	14
Глава 4. Троллий мяч	17
Глава 5. Встреча	21
Глава 6. Не друг	24
Глава 7. Драка	27
Глава 8. Дом на высоком берегу	30
Глава 9. Зеленое пламя	33
Часть 2. По эту сторону мира	36
Глава 1. Встречи	36
Глава 2. Кое-что о родительской любви	40
Глава 3. Люди и тени	43
Глава 4. Идущий по следу	46
Глава 5. Каменный дом	49
Глава 6. Взрослый разговор	53
Глава 7. Пиво для Короля	57
Глава 8. Дети Асгардсрейи	61
Глава 9. Драугр	64
Часть 3. Земля, плодящая туманы	67
Глава 1. Советы и решения	67
Глава 2. Вёлунд-кузнец	70
Глава 3. Мьёлльнир	74
Глава 4. Охота	77
Глава 5. Ульдры, коровы и сны	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Карина Демина Владелец Ниффльхейма

*Мир припал на брюхо, как волк в кустах,
Мир почувствовал то, что я знаю с весны –
Что приблизилось время Огня в Небесах,
Что приблизился час восхождения
Черной Луны.*

С. Калугин

Часть 1. Мир-которого-не-бывает

Глава 1. Воробьи и вороны

Свалку давно уже собирались закрыть, лет десять или даже двадцать. Упорно собирали подписи, устраивали митинги протеста и даже высадили на окраине с десятков молодых тополей. Но, несмотря на все усилия, свалка продолжала существовать. Она проглотила и тополя, и акты Госсанэпиднадзора, и петиции со всеми подписями, как глотала тонны и тонны иного мусора, который производился городом.

Бережно выращивая холмы из ржавых банок и мотков проволоки, украшая их битым стеклом, пакетами, осколками дерева и обломками пластика, свалка кормила птиц, бродячих собак, кошек и тощих городских лис. Но безусловными хозяевами ее были крысы да люди. И те, и другие рыли себе норы, делили территорию, воевали – большей частью между собой. Но в голодные времена крысам случалось есть людей, а людям – крыс. И никто не видел в том дурного.

Впрочем, нынешней весной еды почти хватало. Особенно, если искать умеешь. Воробей вот умел. Искать. Пробираться тайными тропами на чужую территорию. Зарываться в кучи, дожидаясь, когда хозяева закончат разбирать свежий мусор, рычать на собак и гонять наглых ворон, отвоевая то малое, что еще оставалось из съестного.

Из нынешней вылазки Воробей вернулся с зеленоватой палкой колбасы, которая больше воняла, чем пахла, и обглоданной буханкой хлеба – слишком мало, чтобы идти к матушке Вале. Не то, чтобы Воробей все еще боялся ее, скорее уж слишком устал, чтобы выслушивать упреки. Спать он лег в своем старом гнезде, которое некогда соорудил из тряпья и обрывков синтепона. Было почти тепло.

Разбудило его солнце, плеснув светом в глаза, и как Воробей ни ворочался, солнце не отставало. Оно лезло под самые веки, щекотало нос, заставляя Воробья кривиться и ерзать по мусору. А ворона, древняя, как сама свалка, глядела и хихикала, мерзко, как умеют хихикать только вороны и сумасшедшие старухи.

– Пор-ра! Пор-ра! – наконец, прокричала она и, слетев на грудь мальчишки, клюнула его в лоб.

– Отвали, – буркнул Воробей.

– Др-рянь, – отозвалась ворона, теряя к мальчишке интерес. Она запрыгала по куче мусора, забираясь выше и выше, пока не оказалась на излюбленном своем месте – каменной голове.

Голова и Воробей появились на свалке в один день. Разломанную пополам статую вместе с обломками мебели и красным колотым кирпичом привез грузовик, а Воробей пришел сам. Если верить матушке Вале – а не верить ей у Воробья не было причин – он появился незадолго до полуночи на первое ноября, измученный и напуганный. Страх его был столь велик, что Воробей выбрал самую большую грудку мусора и, зарывшись в нее, просидел три дня. На четвертый он выглянул, но только, чтобы попить воды из грязноватой лужицы. На пятый матушка Вала, протрезвев, забрала новичка к себе.

– Живи тут, воробей, – сказала она и добавила: – Одежду сними. Приметная.

Так Воробей лишился последнего, что связывала его с прошлой, досвалковой, жизнью: синей куртки, джинсов и кроссовок на светящейся подошве. Вещи матушка Вала выменяла, Воробью же, когда тот отошел от испуга и принялся расспрашивать о себе, велела заткнуться.

А с матушкой Валой спорить себе дороже.

Это Воробей усвоил быстро. Трезвая, она была добра и даже по-своему жалела найденша, гладила по голове и пела песни на чужом скрипучем языке. И страх, который никогда не отпускал Воробья совсем, засыпал хотя бы на время. Правда, с каждым годом матушка Вала пила все больше и становилась все злее. Она то кричала визгливым громким голосом, то вдруг принималась плакать, то вовсе затихала, обняв бутылку. Мутные глаза ее казались слепыми, иссохшее тело – немощным, а кожа вовсе гнилой. От нее и воняло трупной гнилью. Запах этот обманывал хитрых крыс, и они ползли, крались, осмелев, прыгали на плечи, впивались в руки и тощие ноги, чтобы упасть замертво.

А матушка Вала, слизывая темную кровь, лишь посмеивалась:

– Или ты ешь, или тебя съедят. Учись, Воробей, пока я живая.

Из крыс матушка Вала варила похлебку, а головы и лапы отдавала любимой вороне.

– Пр-равильно, – говорила та, раздалбывая крысиный череп клювом. – Вор-р-робышек. Правильно. Пер-ренимай.

Воробью же чудилось, что однажды старуха свихнется и убьет его. Сунет в грязный котелок, а голову отдаст вороне. Он бы сбежал, но куда? Да и привык как-то.

– Воробей! Негодный мальчишка! – матушка Вала выползла на голос вороны. Выйдя на солнце, она зажмурилась, заслонилась. – Ты где прячешься? Выходи!

– Я здесь! Я не прячусь! – крикнул Воробей, понимая, что отсидеться не выйдет.

Он выбрался из гнезда и сжался, ожидая удара – била старуха всегда неожиданно и крепко. Но матушка Вала клюку опустила и сказала почти ласково:

– Пойдем, Воробышек. К тебе пришли гости.

Он так растерялся, что спросил:

– К-какие гости?

– Важные, – матушка Вала вдруг оказалась рядышком. Схватив Воробья за руку – крепко, и захочешь – не вырвешься, – она потянула к дому. – Очень важные гости...

Сооружение из старых ящиков, кусков фанеры и размокшей бумаги вряд ли можно было назвать домом, но иного Воробей не помнил. Протиснувшись в узкую дыру-вход, он оказался в единственной комнатке. Половину ее занимал огромных размеров письменный стол, в ящиках которого матушка Вала хранила всякие нужные вещи: вороньи перья, свечи, спички, рюмки со сколотыми краями и ключи. Оставшаяся часть комнатки была завалена тряпьем, старыми журналами и бутылками. На единственном свободном пятчке, как раз между столом и порогом, теперь стоял стул. А на стуле восседал человек, почти столь же уродливый, как и старуха. Нарядный белый костюм его не скрывал кривой спины и вывернутых плеч, на которых возлежала несоразмерно крупная голова. Она была словно сама по себе, и Воробью казалось, что если человек пошевелится, кивнет, то голова покатится на пол.

Человек кивнул и сказал:

– Здравствуй, Воробей. Рад с тобой познакомиться.

Голова держалась крепко.

– Весьма, надо сказать, рад!

– Ну да. И с чего бы?

– Просто рад. Неужели тебе не случалось просто вот радоваться... жизни... встрече...

– Шли бы вы на хер, дядя.

– Какая прелесть, – воскликнул гость. – Хозяину он понравится.

Воробей хотел было послать и хозяина, но не успел. Матушка Вала вдруг ловко зажала ему рот ладонью. И не ладонью – мокрой тряпкой, которая пахла гнилыми грушами. Воробей только вдохнул запах, как все поплыло перед глазами.

А потом он упал, прямо под ноги к странному страшному человечку. Последнее, что увидел Воробей – зеленые, как майская трава, глаза и черные ботинки с узкими носами.

Очнулся Воробей от звука.

– Скрип-скрип, – слышалось рядом. – Скрип-скрип-скрип.

Дерево по дереву, кость по кости, мерзко, раздражающе.

Вставай, Воробей. Беги, Воробей. Спасайся.

Нельзя бежать, не зная дороги. И Воробей приказал себе не рыпаться. Приоткрыв глаза, он увидел край синего с желтым ковра и лампу. Та стояла на полу, и желтый круг света вздрагивал, когда его касалась чья-то тень.

– Скрип-скрип, – шептала она. – Скрип. Вставай же...

Воробей лежал. На чем-то очень мягком и теплом. И пахло это непривычно, но приятно. Так пахнут коробки от порошка и пластиковые бутылки, на дне которых, при везении, остается капля шампуня.

– Ты умеешь притворяться, – скрип вдруг оборвался, а тень в круге качнулась навстречу Воробью. – Весьма полезное умение.

Воробей не шелохнулся.

– Особенно в незнакомом месте. Незнакомые места пугают.

На лоб легла тяжелая ледяная рука.

– Но любой страх можно преодолеть. Главное – найти правильный стимул. Например, голод. Ты голоден?

Лежать. Дышать неглубоко, нечасто. И губы не облизывать, как бы ни хотелось. Они стали очень сухими, эти губы. И горло тоже.

– Ты должен быть очень голоден... и очень напуган.

Пальцы вдруг вцепились в волосы и дернули. Воробей вскрикнул.

– Но тебе больше нет нужды бояться, – ласково сказал человек. – Да и кого? Брунмиги? Он тебя не тронет. Ты мне веришь? Правда?

Воробей осторожно кивнул. Ему вдруг стало жутко, как никогда прежде, разве что в те самые дни, когда он прятался в мусорной куче.

– Веришь... вера – это очень важно. А Брунмиги – добрейшее существо. Он тебя подобрал. Привел сюда. Искупал. Передел. Тебе следовало бы поблагодарить Брунмиги за заботу.

От руки, державшей Воробья, пахло старым льдом, и еще осенней сыростью. Землей, которая скапливается в гнилых ящиках, и сама становится гнилью. Костями.

Шерстью.

От запахов этих мутило.

– Но вряд ли он дождетя благодарности, – задумчиво произнес человек, отпуская Воробья.

Благодарить? Карлик – сука. И матушка Вала тоже. А этот – и подавно. Пусть себе притворяется добреньким, только выходит у него дерьмово.

Гладкий. Лощеный. Лицо тяжелое, с крупным носом и узкими губами. Волосы длинные, белые – крашенные? – и еще в косы заплетены. А на косах – бубенчики висят, фигурки всякие. И на шее бусы в три ряда. Педик что ли?

– Нойда, – возразил человек. – Колдун. Ты можешь звать меня Варгом. Вставай.

Воробей подчинился.

Теперь он видел всю комнату, которая показалась ему смутно знакомой. Не именно эта, но вообще получается, что он бывал в комнатах. Или даже жил. В какой-нибудь похожей, с окнами до потолка и люстрой-шаром. И кровать там была, и стол вот такой же, только выше... скатерть еще с бахромой.

Белой.

Влажной, как шерсть.

Воробья снова замутило.

Бежать. Быстро. Сейчас. Или скоро, но обязательно. Почему? Потому что.

– Будет вежливо, если и ты представишься, – сказал Варг, как почудилось – с насмешкой. – У тебя есть имя?

– Во... воробей.

– Это не имя. Прозвище – хорошо. Но имя тоже нужно, – он наклонился и волосы-змеи зазвенели. – Жить без имени – неприятно, уж поверь мне. И пожалуй, что я назову тебя... Джеком. Джек Воробей. Нравится? Нет? Ну, извини. Я с именами не в ладу. Но ты станешь отзыватьсь?

И Варг крепко сжал руку. Ледяные пальцы его скользнули по запястью, обжигая холодом, но Воробей сдержал крик боли: не хватало еще слабость показать.

– Да, – ответил Воробей, поклявшись, что никогда не станет Джеком.

– Ну это мы еще посмотрим.

Кожа горела, алые черточки, линии, знаки ползли на ней, пробираясь глубже, унося частицу холода в самые кости. И Воробью хотелось выдрать их, но он не смел. И знаки гасли, а кожа возвращала прежний цвет.

– Вот и молодец. И теперь ты можешь поесть. Ты ведь хочешь есть?

– Да, – снова ответил Воробей, на сей раз правду.

Есть он хотел. Он вообще, сколько помнил себя, постоянно хотел есть.

– Тогда ешь. А потом отдыхай. Чувствуй себя как дома...

И Варг ушел, заперев за собой дверь, но Воробья это обстоятельство не смутило. Он найдет выход. Обязательно. Но для начала поест.

Гречневая каша с мясом, остывшая, но свежая, была удивительно вкусна. Булочку Воробей сунул в карман, предварительно слизав пудру. Прихватил он и вилку с острыми зубцами – лучше бы нож, конечно, но ножа не было; а еще бесполезную и красивую статуэтку – серебряного волка.

Надо сказать, новая одежда – особенно куртка с капюшоном и вместительными карманами – также пришлась Воробью по душе, главным образом потому, что была мягкой и чистой. Воробей на секунду подумал, что Варг вовсе не так и плох, и стоит ли бежать из дома, где тебя кормят, одевают да еще ничего не просят взамен?

– Пока не просят, – буркнул Воробей, почесав вилкой затылок – отмытые волосы с непривычки казались жесткими, колючими, а шкура свербела. Шкура знала – ничего не бывает задаром.

Убираться надо.

И Воробей взялся за дело. Помимо двери в комнате имелись два окна. Правда, за окнами стояли решетки, но Воробей был до того худ, что без труда проскользнул между прутьями. Он очутился на узком карнизе высоко-высоко над землей. По карнизу гуляли голуби и черная кошка с разноцветными глазами.

– Если ты боишься, вернись, – сказала она. – А если не боишься, то пошли. Только вниз не смотри.

– Я не боюсь, – и Воробей все-таки глянул вниз.

Машины. Люди. Деревья. Все крохотное и далекое.

– Я не боюсь. Не боюсь.

Он сделал первый шаг, обеими руками упершись в стену дома. Из-под ног посыпалась труха, а голуби вспорхнули, хлопая крыльями.

– И правильно, что не боишься, Джек, – кошка не собиралась исчезать. – Страх убивает.

– Я не Джек!

Второй шаг дался легче. А на третьем Воробей почти успокоился. И вправду, глупо бояться, когда все хорошо. Он шел за кошкой, глядя на хвост, который загибался налево крючком, и думал, что кошки разговаривать не умеют.

Наверное, ему все это снится.

И когда камень под ногой покачнулся и полетел вниз, Воробей не успел испугаться. Просто стена вдруг выскользнула из-под ладоней, а ветер толкнул, сбивая с карниза.

Воздух был твердым, но земля – еще тверже.

И Воробей подумал, что серебряный волк, такой маленький и красивый, должно быть, помнется. А потом он перестал думать.

Глава 2. Поездка в никуда

Когда все случилось, Юленька думала о том, что жизнь не удалась, и что человек она редкостной невезучести. От тяжести мыслей Юленькин лобик морщился, а губы сжимались в злую черточку, и становилась Юленька точь-в-точь как мама. Но не мама-здравствуй-дорогой, а мама-где-тебя-опять-носило. Честно говоря, эту маму Юленька недолюбливала, хотя в последнее время она появлялась все чаще и оставалась все дольше.

Но, наверное, и это потому, что Юленька уродилась невезучей...

Автобус, попав колесами в очередную ямину, подпрыгнул так, что с ним подпрыгнули и полтора десятка школьников, водитель, классуха, толстая экскурсоводша в розовом костюме и брошь-бабочка на лацкане ее пиджака.

– Задолбало тащиться, – процедил Алекс, Юленькин сосед.

Говорил он нарочно громко, но классуха все равно сделала вид, что не слышит: Алекса учителя побаивались. Точнее побаивались они не столько самого Алекса, сколько его отца.

Семен Семенович в школу заглядывал не часто и всегда одинаково. Сначала напротив центрального входа останавливалась черная длинная машина. Из машины появлялся человек в белом костюме и фуражке. Он открывал дверь, выпуская Алексову маму, которую следовало называть Аллочкой и никак иначе. За Аллочкой тянулся шлейф очередной шубки, которую та роняла на руки шоферу, и уже потом показывался сам Семен Семенович. Он выползал из машины медленно, как дракон из пещеры, и все – шофер, Аллочка, директриса и сам Алекс – терпеливо ждали.

– Ну? – спрашивал Семен Семенович, глядя на всех сразу. – Чего тут у вас опять?

И голос его походил на гром.

Вообще-то Юленьке Семен Семенович представлялся вовсе не человеком, а богом, из греческих, про которых русичка на факультативе рассказывала. И тогда, выходило, что Алекс – сын бога.

Он красивый, потому что... просто красивый, высокий – выше всех в классе – светловолосый и всегда мрачный, загадочный.

А вчера Алекс сам предложил ехать вместе. Подошел, глянул сверху вниз и сказал:

– Привет, Крышкина-Покрышкина. Завтра прешься?

– Еду, – ответила Юленька, чувствуя, как краснеет: прежде Алекс ее не замечал. Хотя он никогошеньки вокруг не замечал, даже Аллочку, если та вдруг появлялась одна. – Все ведь едут.

– Фигня, правда?

– Правда.

На самом деле Юленьке было интересно поехать: ее прежде не возили в музей, точнее возили, но она тогда была маленькая и ничегошеньки не запомнила. А теперь она большая, но родителям некогда.

Работают они. А работа – это важнее каких-то там музеев. И Юленьке тоже пора делом заняться, например, подумать о будущем. Юленька честно пыталась думать, но выходила какая-то ерунда.

Да и какой в этом смысл, когда мама все уже решила?

Конечно, ничего такого Юленька Алексу не сказала. А он вдруг взял и предложил:

– Тогда вместе давай. Я скажу шоферу, чтоб с утра за тобой завернул.

Не дожидаясь согласия, он развернулся и ушел. А Юленька стояла в школьном коридоре, не слыша звонка, и думала, что впервые в жизни ей повезло! По-настоящему повезло.

Но везение быстро закончилось. За Юленькой, конечно, заехали. И мама – мама-ах-как-я-вам-благодарна – передала ее шоферу, а тот усадил в машину, где, лежа на сиденье, спал

Алекс. Он и в автобусе спал, сунув под голову рюкзак. Юленька же сидела, не смея шелохнуться, слушала хихиканье Ленки Лялькиной и думала, что надо потерпеть. Вот проснется Алекс и...

Воображение рисовала всякое, но не то, что на самом деле получилось. Проснувшись, Алекс спросил:

– Мы где, Крышкина-Покрышкина?

А когда Юленька ответила, он и благодарить не стал, сунул в уши наушники и айпод из рюкзака вытащил. Так весь день и проходил, даже в музее... и теперь вот домой.

Зачем он позвал, если ему все равно, с кем ехать? Мог бы и один... мог бы и вообще... если не интересно... ему бы, небось, и словечка никто не сказал бы, реши Алекс дома остаться.

– Домашку скатать дашь? – опять поинтересовался он.

Юленька хотела ответить, что не даст и вообще знаться с ним не желает, когда случилось *это*.

Первым был звук, громкий, скрежещущий, как будто кто-то когтями по стеклу провел. А стекло не выдержало и разлетелось брызгами, прямо Юленьке в лицо. Передняя часть автобуса вдруг прогнулась внутрь и разломилась пополам, впуская что-то огромное и страшное.

Оно смяло водителя, подбросило сонную тетку-экскурсоводшу, розовый костюм которой стал бурым, а бабочка и вовсе сломалась.

– Падай! – крикнул Алекс, и Юленька его услышала, хотя не слышала по-прежнему ничего, кроме оглушительного звона.

Вот только шелохнуться не смогла. Оцепенев, она смотрела на бабочку, крылья которой стремительно краснели. На рвущийся металл и железный штырь, что двигался навстречу.

– На пол!

Алекс столкнул ее и сам рухнул сверху. Потеряв управление, автобус закружился в скрежещущем вальсе. Юленька зажмурилась. Ей было страшно. И больно... очень больно.

– Не вставай... – шепнул Алекс на ухо.

И Юленька подумала, что это из-за нее все. Она ведь ужас, до чего невезучая.

Когда Юленька открыла глаза, то увидела, что ничего нету: ни автобуса, ни классухи, ни экскурсоводши, ни Алекса. Она лежала на плоском сером камне и смотрела в небо, такое же плоское и серое, как будто бы вытесанное из еще одного камня. Черными жилками на нем проступали облака, а солнца так и вовсе не было.

– Крышкина-Покрышкина, просыпайся, – сказал кто-то знакомый. И Юленька села.

Алекс. Точно. Его зовут Алекс, и они вместе ехали. Куда? Домой. Откуда? С экскурсии. Перед самой линейкой. Экскурсия. Кизи. И еще куда-то. Потом автобус вдруг начал кувыряться и...

– Мы умерли? – спросила Юленька и потрогала себя за ухо. Она ощущала и пальцы, и ухо, и еще твердый холодный камень под собой, и соленый запах моря, совсем как в Евпатории, куда ездили в позапрошлом году.

Мама, правда, в Турцию хотела. Но Турция – это дорого.

– Алекс, мы умерли?

Она все-таки села, и руки ее двигались, и ноги тоже. А в груди привычно колотилось сердце. Разве у мертвецов или призраков, которыми становятся мертвецы, сердце стучит?

Алекс стоял рядом и тоже ничуть не походил на призрака. Джинсы у него грязные. И кроссовки тоже. А мама – мама-которая-знает-про-всех – говорит, что Алекс – зажавшийся мажор. И его изолировать надо, чтобы не влиял плохо. А Юленьке было не понятно, как и на кого он влияет, если держится в стороне ото всех?

– Может, и умерли, – ответил Алекс. – Техника точно сдохла.

Подбросив на ладони айпод, он сунул его в рюкзак, а потом руку протянул.

– Вставай, Крышкина-Покрышкина, пойдем.

– Куда?

– Куда-нибудь. А поездочка-то зачетная вышла... мой папашка от злости скопытится.

Рвет и мечет... ну и фигли ему.

Серый камень простирался во все стороны. Иногда он был чуточку более темным, иногда – более светлым, словно бы поседевшим. На проплешинах прорастали деревья. Снежно-белые, они походили на торчащие из-под земли руки, и невидимый ветер шевелил ветви-пальцы. Тогда казалось, будто они скребутся в небо.

Юленьке это место жуть как не понравилось. Она вообще недолюбливала странные места, тем паче такие мрачные. Алекс же, оглядевшись, бодро зашагал прочь, и Юленьке не осталось ничего, кроме как идти следом.

– Ты... ты знаешь, куда идешь?

– Не знаю.

– Тогда почему идешь?

– Потому что иду, – он перепрыгнул через упавшее дерево, которое больше не походило на руку, скорее на огромного червя. Гладкая кора просвечивала, позволяя разглядеть тонкие трубки, похожие на провода. Только это провода еще и дергались, точно живые.

Прыгать Юленька не решилась – обошла дерево. И бегом бросилась догонять Алекса.

– Ты... ты постой! Может, нам лучше на месте? Подождать.

– Чего? – он остановился и глянул на нее. А смотрел Алекс всегда с насмешечкой, будто знал, что все-все в этом мире будет в точности так, как ему захочется.

– Ну... – Юленька растерялась. – Спасателей. Ведь придет кто-нибудь! Придет. А если мы уйдем, то... то никто нас не отыщет.

– Крышкина-Покрышкина, нас никто не будет искать.

Будут! Папа! Мама! Спасатели! Полиция! Кто-нибудь... это ведь не бывает, чтобы живой человек и пропал. Или бывает?

– Мы здесь, – пояснил Алекс, поправляя лямку рюкзака. – Я не знаю, где это, но точно не на Земле.

Тогда Юленька заплакала. Она плакала горько и самозабвенно, размазывая слезы по лицу и всхрюкивая от огорчения. Врет! Алексу нравится ее мучить, вот он и придумал способ... кто-нибудь появится... кто-нибудь обязательно появится... нужно лишь подождать.

– Ну? – крикнул Алекс. – Ты идешь?

Глава 3. Кошка-которая-гуляет-между-мирами

Кошка сидела на валуне и вылизывалась. И пусть была она не черной, а белой, яркой, Воробей сразу понял, что кошка та самая, с парапета.

– Эй ты! – крикнул Воробей. Сначала он думал подобраться и схватить тварь, но после сообразил – не выйдет. Кошки чуткие и быстрые, куда быстрее человека. – Слышишь? Ты еще разговариваешь?

Левое кошачье ухо повернулось и отвернулось.

– Если есть о чем.

– Где я?

– В Ниффльхейме, – ответила кошка, и хвост ее скользнул вправо, сметая снежинки. – Добро пожаловать, Джек. И будь добр, выбрось камень. Здесь от него больше вреда, чем пользы.

Воробей мотнул головой и спрятал камень в карман. Уж больно удобным тот был: круглым, гладким и увесистым. А в этом месте, про которое Воробей понял одно – оно не похоже на свалку – лучше быть с камнем, чем без.

В любом месте лучше быть с камнем.

– И больше ты ничего спросить не хочешь? – поинтересовалась кошка, потягиваясь. Серебристые коготки скользнули по граниту, оставляя глубокие царапины. Пожалуй, ловить ее и вправду было глупой затеей. – Совсем ничего?

Она ловко спрыгнула, оказавшись вдруг рядом с Воробьем. Кошачий хвост больно ударил по ноге, а круглая голова коснулась ладони, напрашиваясь на ласку.

– Неужели, ты такой нелюбопытный, Джек?

– Я не Джек! – Воробей оттолкнул кошку, точнее попытался, но та увернулась и снова оказалась рядом, только с другой стороны.

– Ты Джек... имя – хороший подарок. Не стоит отказываться от подарков. Особенно, от таких.

– Почему?

– Просто поверь мне.

Кошка одним прыжком взлетела на плечо, когти ее пробили куртку, но до плеча не добрались. Хвост петлей обвил шею.

– Еще чего.

– Недоверчивый детеныш. Ты потерялся. Тебе страшно. Но я тебе помогу... – она роко-тала, была теплой и легкой. Кончик хвоста гладил щеку, а мокрый нос упирался в самое ухо, и когда кошка говорила, Воробью становилось шекотно.

Внутри разливалась ленивая теплота, хотелось закрыть глаза и слушать, слушать этот голос.

Также Воробей слушал и песни матушки Валы. И чем все закончилось?

– Кто ты? – он затряс головой, как если бы пытался вытряхнуть воду из ушей.

– Я – Кошка-которая-гуляет-между-мирами, – сказала Кошка. – Ты можешь называть меня Снот. Или Советница. А можешь никак не называть и оставить тут, если мои советы тебе не нужны. Но они нужны, потому что без моей помощи ты, глупый детеныш, не протянешь и дня. Или ночи... хотя здесь не бывает ночей. И дней тоже не бывает. Зато есть отливы. И приливы.

Она тихонько засмеялась и, выпустив когти, царапнула плечо. Легонько. Нежно. Куда нежнее, чем камень.

– Ниффльхейм – страна туманов и сумеречных тварей. Мир, где нет настоящего огня. Ни искорки... ни уголька... Ты же хочешь вернуться домой, Джек, который отказывается от подаренного имени? А я тебе помогу.

– И чего взамен?

Хвост тронул затылок, скользнул по жестким волосам, которые больше не пахли шампунем, да и вообще, кажется, ничем не пахли.

– Не «чего», а «что», детеныш, – поправила Снот. – Взамен ты станешь со мной разговаривать. В этом мире совершенно не с кем поговорить.

Она лгала – в этом Воробей не сомневался. И думал, стараясь отрешиться от мурлыканья и подаренного тепла, пытаюсь понять, в чем же подвох, но все равно не понимал.

Согласиться?

Отказаться?

Монету бы бросить, но где ее возьмешь?

– Решай скорей, глупый детеныш. Скоро прилив. Посмотри-ка вверх.

Воробей посмотрел.

Небо, и до того серое, стало еще более серым, плотным. Черные линии проступили на нем жилками, на которых то тут, то там вспухали смоляные капли. Они разрастались прямо на глазах, грозя вот-вот лопнуть. А некоторые и лопались, осыпаясь не то пылью, не то снегом. Крупницы повисали в воздухе, и Воробей подумал, что это даже хорошо: прикасаться к ним у него не было желания.

– Так что ты решил, глупый медлительный детеныш? – спросила Снот. – Ты примешь мою помощь?

Ее голос привел крупницы в движение. Они опускались медленно, сплетаясь в причудливые фигуры, и шелестели. Воробью казалось, что еще немного, и он услышит голоса.

– Я согласен.

– Согласен принять мою помощь? Слушать мои советы? И делать так, как говорю я?

– Ну да.

Пока он не разберется, в чем тут дело. А дальше видно будет.

– Вот и хорошо, – Снот прыгнула на землю. – Тогда беги за мной, Джек. Беги со всех ног... и возможно, мы успеем.

Угрожающе шелестели снежинки.

Неслись к Воробью, кружили и окружали. Он побежал, пытаясь уйти из-под снежной сети, которая опускалась на землю, неторопливо, точно зная – добыча не ускользнет.

– Быстрее, Джек! Быстрее! – звала Снот, перетекая с камня на камень. – Торопись... волна идет!

Волна не шла – догоняла. Она летела, грохоча, стеной на тысячу голосов, грозя смять Воробья, раздрать на клочки и смешать с гнилой крупой тумана. И когда он потерял было надежду спастись, земля вдруг закончилась. Она просто исчезла, и Воробей снова упал, но на сей раз в нечто мягкое и вязкое, вроде той жижицы, что стекалась со всей свалки в стакан-болотце. Только та жижица пахла железом и гнилью, а эта – талым снегом.

Она залепила рот, забила нос, и Воробей вяло подумал, что теперь он точно умрет. Сверху же загудело, и болото, прозрачное, как стекло, покачнулось. Оно дрожало, мелко, испуганно, и дрожь подталкивала Воробья глубже и глубже, хотя он отчаянно молотил руками, пытаясь выбраться наверх. Редкие пузырьки воздуха вырывались изо рта и носа и вязли, не добравшись до поверхности.

И кошка исчезла.

Кажется, Кошкам, как и людям, нельзя верить...

В тот миг, когда воздуха в легких не осталось, ноги Воробья коснулись камня – у болота все ж имелось дно. И дно это вдруг раскрылось, чтобы тут же сомкнуться над головой.

– Аммм... – сказала оно и срыгнуло воду в болото. – Уммм...

– Теперь можешь дышать, – промурлыкала темнота. – Но аккуратно. В Ниффльхейме все нужно делать крайне аккуратно. В том числе дышать и думать.

Воздух был горячим, а место, в котором очутился Воробей, – странным. Он сидел внутри огромного шара, в стенках которого были просверлено множество крохотных дырочек. И через них с легким свистом проникал воздух.

На дне шара скопилась влага, но и она бурлила, выпуская воздушные пузырьки.

– Кошка, ты где? – спросил Воробей тихо-тихо, и перед самым его носом возникли два светящихся пятна. Одно ярко-желтое, как колечко матушки Валы, другое – синее.

– Могла бы и предупредить.

– Зачем? – желтый глаз мигнул. А следом мигнул и синий.

– Я едва не погиб! – кричать шепотом было неудобно.

– Если бы ты погиб от такой малости, как туман, с тобой определенно не стоило бы иметь дела. И уж конечно, ты не дошел бы до Хельхейма. А про трон я и не упоминаю даже. Совсем даже не упоминаю.

Воробью очень захотелось дернуть кошку за хвост. Или за усы. Или сделать еще что-нибудь, чтобы отомстить за пережитый страх. Ну и за грязные штаны, которые покрылись белой слизью болота.

Однако он ничего такого не сделал, а лишь спросил:

– Что это за место?

– Тролля голова.

– И она пустая?

Снот вновь забралась на плечо и, обняв лапами, мурлыкнула:

– Запомни, Джек. Полные головы встречаются гораздо, гораздо реже, чем пустые. Это невыгодно – иметь полную голову.

– Почему?

– Потому что полную голову носить тяжелей. И в мяч ею не больно-то поиграешь. А каменные тролли любят играть в мяч.

Воробей хотел спросить, кто такие тролли и как они будут играть в мяч головой, если в этой голове сидит сам Воробей и еще Снот, но тут камень затрясся, захрустел, как орех, на который сапогом наступили.

– Держись! – велела Снот.

– За что? Здесь же пусто!

Воробей прижался к стене и прилип, радуясь, что на одежде и волосах все еще есть болотная слизь. Она, конечно, не клей, но хоть что-то. А троллю голову подбросило вверх.

– Ррру! – закричал кто-то снаружи, и судя по голосу, был он огромен.

– Ррра! – отозвались на крик.

– Твою ж мать... – Воробья швырнуло на пол. Плечо пронзило болью, и колени тоже. А шар вновь подбросило, и новый удар был сильнее старого. – Твою ж мать!

– Рррых!

Мощнейший удар сотряс голову.

– Они должны были выбрать другую! – взвизгнула Снот, когтями впиваясь в стену. – Должны были...

А Воробей подумал, что, когда все закончится, он даст кошке хорошего пинка. Если выживет, конечно.

Глава 4. Троллий мяч

Юленька устала быстро, Алекс же все шел и шел. Шел и шел. И на нее не оглядывался, как будто бы ему все равно: идет Юленька или нет. Хоть бы слово сказал! Одно-единственное словечко! Чтобы не так тихо... не так жутко...

Серость сгущалась. Камень становился мягче, пока не превратился в болото. Желто-вато-бурое, комковатое, оно напоминало кисель, два дня простоявший на солнцепеке. Желатиновая жижа мягкими губами обхватывала ноги, а выпускала нехотя, со всхлипом. И нити-сопли тянулись следом.

Мерзость какая!

Сделав десяток шагов, Юленька решительно сказала:

– Я дальше не пойду!

И села на круглый гладкий валун.

Мама постоянно повторяла, что свою позицию следует обозначать четко.

Алекс остановился, но поворачиваться к Юленьке не стал. Он разглядывал болото и думал о чем-то, хотя мама была уверена, что думать Алекс не умеет, потому как ему незачем, у него родители богатые. А у Юленьки, значит, не такие богатые и получается, что ей-то думать надо.

Но вот не думалось. Просто совершенно не думалось!

Будь здесь мама, она бы точно сказала, куда идти и что делать. Но мамы не было, поэтому Юленька сидела, разглядывала болото и жалела себя.

– Крышкина-Покрышкина, если ты отдохнула, то давай дальше двигать.

– Я же сказала: я дальше не пойду!

– Почему?

– Потому... потому что! Тут же болото! И мы утонем. Или нас сожрут. Или сначала мы утонем в болоте, а потом нас сожрут.

Болото булькнуло, соглашаясь с Юленькой.

– Нас и тут сожрать могут, – спокойно возразил Алекс, перекидывая рюкзак на другое плечо. – Было бы кому... ты лучше на небо глянь.

Юленька глянула и обомлела: каменистая поверхность собиралась складками, выпускала смолянистые нити, на которых вздувались крупные, тонкостенные шары.

Мыльные пузыри на трубочке. И снежная буря заперта в прозрачных стенах, бьется-рвется, прорывается.

Шар беззвучно лопнул, обсыпав Алекса мелкой трухой.

– Берегись! – крикнула Юленька, вскочив.

Алекс же снял пушинку с волос, понюхал, а потом и вовсе на язык положил.

– Сладкая, – сказал он и поежился. – Но все равно идти надо. Если не по болоту, то хотя бы по краю. А то мало ли...

Ветер поднялся внезапно, срывая перезревшие пузыри. Он сталкивал их друг с другом, высвобождая сладкий снег, и его становилось все больше, а опускался он все ниже, того и гляди коснется Юленькиных волос, оседет липкой сахарной ватой, которую потом не вычесать будет.

Юленьке и так с волосами тяжело! Она бы обрезала, но мама против. Мама говорит, что у девочки должна быть коса, иначе это не девочка, а недоразумение. Но мамы нет, Алекс же уходит. И Юленька вынуждена его догонять.

Она бежит по краю болота, и мерзкая жижа всхлипывает под ногами. Юленька сама готова плакать. И спеша утешить, на щеки садятся пушинки. Прилипают. Уже не сахарная вата, но мошки, живые, холодные. Юленька хочет смахнуть, но Алекс хватает за руку.

– Бежим.

Побежали. Юленька не любит бегать. И физкультуру тоже. Она устает быстро. И вообще она слабая – мама уверяла, что от рождения, а физрук – что от безделья. Он назвал Юленьку клушей, и конечно же потом две недели – бесконечно длинные две недели – Юленьку только так и называли.

А она не клуша! У нее просто не все получается.

– Давай, давай... – Алекс волок за собой, и Юленька бежала, хватая ртом воздух и живые снежинки. Они и вправду были сладкими, как сироп.

А кроссовки – мокрыми. И джинсы тоже. До самых колен болотом забрызгало.

– Быстрей.

Не может она быстрей! И вот-вот споткнется. Всегда спотыкается на кроссе. И сгибается от боли в боку, и бредет, лишь бы дойти до черты, стать и отдышаться.

А физрук орет. И свистит. Те же, кому повезло прибежать первыми, хихикают.

– Давай же! – кричит Алекс, и Юленька спотыкается. Падает в желтую слизь, рассаживая ладони о дно, а сверху вдруг наваливается мягкое и влажное, совсем как отсыревшее бабушкино пуховое одеяло.

– Юлька, держись!

Голос Алекса долетел издалека. А тяжесть нарастала, грозя раздавить. Уже не одеяло – мягкая лапа чудовищного зверя, который дышал в спину, и дыхание это становилось ветром.

Ее вжимало в болото. Еще немного и Юленька захлебнется. Или ее раздавят.

Прямо сейчас раздавят.

Вот сейчас.

Уже скоро.

Но тяжесть исчезла, и холодный звериный язык лишь тронул шею. А потом стало тихо-тихо, почти как прежде. Но Юленька лежала, не смея открыть глаз. Только приподнялась на локтях. С лица, с волос стекала жижа, отваливалась целыми кусками.

И выглядело это все, должно быть, мерзко.

– Крышкина-Покрышкина, – спросили ее шепотом. – Ты живая?

– Не знаю, – честно ответила Юленька, руками стряхивая слизь с одежды, с лица, с волос... Комочки расплзались в пальцах, размазывались по коже, норовили забраться в рот.

– Рррра! – донеслось откуда-то издалека. – Р-ра! Ррра!

И земля под Юленькой вздрогнула.

– Отползай, – все также шепотом велел Алекс, сам пятясь назад. Он полз ловко, извиваясь совершенно по-змеиному, а вот у Юленьки снова не получалось. У нее тело нескладное. И вообще она девочка, а девочкам не положено по грязище ползать. И вообще ползать. Только разве Алексу скажешь? И тем, другим, которые рычат?

Помыться бы... или хотя бы салфетку. Лучше упаковку влажных салфеток. В Юленькиной сумке были – мама положила – но сумка осталась в другом мире. А в ней и расческа, и зеркальце, и гигиеническая помада с маслом жожоба, а еще крем увлажняющий, без которого щеки начнут шелушиться, а на лбу непременно прыщи выскочат.

Юленька потрогала лоб, липкий, но гладкий.

А по миру разлились туманы, густые, как крупяная каша на молоке. И в белизне этой проступали кривые тени существ, названия которым Юленька не знала. Тени дергались, стелкаясь друг с другом, и тогда раздавался гадкий скрежещущий звук. Еще тени рычали и прыгали, точно в пляске, и с каждым прыжком они приближались.

– Бежим? – предложила Юленька.

– Нет. Тогда точно заметят. Сюда давай.

Алекс дернул за руку, и Юленька подчинилась, втискиваясь в узкую расщелину.

– Сиди спокойно.

Юленька кивнула. Они прятались за гранитным клыком, достаточно широким, чтобы скрыть их от чудовищ. Юленька сидела тихо, не дыша. Время от времени она выглядывала, дрожа от страха, холода и отвращения. Она терла-терла щеки, но лишь размазывала грязь. А вдруг та ядовита? Или аллергенна? Точно аллергенна, вон и нос чешутся, и голова тоже. Очень хотелось плакать, но Юленька изо всех сил держалась. Как знать: вдруг те уродливые существа услышат?

Чем ближе они подходили, тем огромней и ужасней становились. Кривые, ломанные, словно слепленные наспех из булыжников и обломков дерева, великаны двигались рывками, то и дело застывая в причудливых позах. И тогда раздавался рык:

– Ррра!

– Ррру!

– Рррах!

– Мамочки! Мамочки... – Юленька вцепилась во влажную косу.

– Сиди, Крышкина.

– Р-ррау! Ррра!

Юленька не сможет. Ей страшно. Сердце колотится громко. Того и гляди вовсе из груди выпрыгнет. Прямо под ноги великанов.

– Ты только глянь! – с восторгом прошептал Алекс, подвигаясь к самому краю зуба.

Ему-то хорошо. Он смелый. И вообще с ветром в голове. Юленька слышала это от классухи, но до конца не поняла, что значит с ветром. А сейчас вдруг вспомнила.

И еще вспомнила, что саму Юленьку классуха хвалила, сказала, будто бы она – всецело положительная особа. Именно так и выразилась, чем маму рассмешила. Юленьке нравилось, когда мама улыбается... где она сейчас?

– Они же... они же играют! – выдохнул Алекс, запихивая рюкзак под живот.

Баринов лег, вытянулся в норе, сунув грязные свои кроссовки Юленьке под нос.

Меж тем, грохот нарастал. Как будто надвигался поезд. Но любопытство перебороло страх, и Юленька выглянула. Всего на чуть-чуть, чтобы увидеть то, что видел Баринов. А видел он троицу гигантов, перебрасывающих друг другу шар. Его подхватывали кривыми руками, чтобы перекатить на плечо, а уже с плеча снова кинуть. Руки хлысты были неожиданно ловкими. Но шар все равно норовил выскользнуть и грохнуться.

– А еще у них голов нет, – сказала Юленька, разом успокоившись.

Ведь те, у кого нет голов, не имеют ни глаз, ни ушей. И убежать от них будет проще простого. Теоретически, как любит повторять папа.

А мама – мама-я-устала-от-твоих-фантазий – при этом повторяет, что теория с практикой расходится.

С родителями вообще все сложно.

Земля же вздрогнула в очередной раз, и Юленька с удивлением поняла, что почти и не боится уже. Она высунулась из укрытия, разглядывая чудовищ. А те, увлеченные игрой, по-прежнему ничегошеньки вокруг не замечали.

– Ррра! – взревел один, подбросив шар так высоко, что тот почти исчез во мгле.

– Рррух! – крикнули в ответ другие, растопыривая кривые руки.

Бледные тени их пролетели над Юленькой, заставляя пригнуться.

– У...

Со свистом и грохотом каменный мяч вернулся с небес. И существо, принимая удар, покачнулось. Ноги-коряжины разъехались, тело изогнулось, как будто бы костей в нем не было, и рухнуло. Шар вылетел и покатился, издавая протяжный, гулкий стон. Он пронесся рядом с клыком, с хрустом перемолов зубы поменьше и оставив четкий след-канаву.

– Идем, – Алекс вскочил и, схватив за руку, потянул Юленьку за собой.

Шел он, пригибаясь и не оглядываясь на монстров, что возились неподалеку. Конечно, они безголовые, но вдруг у них имеются глаза где-нибудь еще?

Например, на животе.

– Алекс...

– Тихо, Покрышкина. Мы только глянем.

На что глядеть? Зачем? Уходить надо туда, где безопасно. А он не понимает, словно назло. Папа вот тоже часто назло маме делает. Вроде бы и не специально, а получается, что...

Шар остановился, уткнувшись в ограду из белых ровных валунов, похожих не то на бревна, не то на огромные куски школьного мела. Вершины их, поднимавшиеся над Юленькиной головой, доходили едва-едва до половины шара.

– Рррау? – донеслось сзади. – Ррра-рра-рррау?

– Алекс...

– Да погоди ты! Смотри! Офигеть! Это же...

Самое уродливое лицо, которое Юленька когда-либо видела. А видела она не то, чтобы много, но как ей казалось прежде – предостаточно. Но это лицо было особым. Идеально круглое, с гладкими щеками и носом, что выдавался вперед, словно клюв, с крохотным ртом-дырочкой и совсем уж неразличимыми глазами, оно походило на ту страшную маску, купленную мамой на распродаже.

Мама еще врала всем, будто бы маску из Венеции выписала.

Зачем? Юленька не знала.

А это лицо было живым. Стоило Алексу – вечно он всюду лезет! – прикоснуться к пористой коже, как веки дрогнули и разошлись. Под ними оказались каменные глаза с крохотными зрачками и желтой радужкой.

– М-мамочки, – сказала Юленька, пятась.

Голова же ничего не сказала, но вытянула губы трубочкой и плюнула. А потом закашляла и завывла обезумевшей пожарной сиреной.

– Бежим! – крикнул кто-то, но не Алекс.

И Юленька клятвенно пообещала себе, что когда вернется домой – а она непременно вернется домой! – обязательно займется спортом. Бегом. По утрам. В парке.

Или с мамой в спортивном зале... с мамой лучше... Юленька сильно соскучилась по маме. И если бы она не бежала, то непременно заплакала бы.

Глава 5. Встреча

Девчонка споткнулась и полетела кувырком в блеклое гниловатое море. Она падала молча, и Джек подумал, что это хорошо – тролли не услышат. А потом подумал, что кошку он все-таки пнет, и остановился.

Дышал он тяжело. Из открытого рта текла слюна, а в боку колело, как будто туда иглу вогнули. Джек на всякий случай пощупал, но если игла и была, то сидела глубоко в теле.

– Чего встал? – поинтересовалась Снот, запрыгивая на ветку странного дерева. Ветка прогнулась, дерево задрожало, а кошачьи когти пробили нежную кору, выпуская мутные соки. Шерсть Снот стояла дыбом, а пушистый хвост нервно подрагивал. Выглядела она весьма недовольной.

Можно подумать, Джек доволен. Это же он сидел внутри пустой головы, которой тролли играли в мяч. Он цеплялся за крошащийся камень и вздрагивал от каждого пинка. Он падал, бился локтями, лбом и язык ко всему прикусил.

– Я... тебя... убью... – сказал Воробей. Каждое слово приходилось вклинивать между вдохом и выдохом. А язык распух.

И шевелится еле-еле. Джек сунул пальцы в рот, пытаясь нащупать дыру, которая просто-таки обязана была быть, но дыры не нашел. Зато едва не стошнило.

– Глупый детеныш, никогда не говори о том, чего не понимаешь. Меня крайне сложно убить.

Кошка прислушалась и удовлетворенно фыркнула:

– Но если тебе необходим отдых, то мы, конечно, можем подождать... познакомиться... ты же хочешь познакомиться с другими детенышами?

Если чего Воробей и хотел, то попросту лечь и лежать, долго-долго, пока не растает невидимая игла, ковьяряющаяся в его потрохах. Но говорить он не стал, просто сплюнул тягучей кислой слюной. И капля расплзлась на сером граните.

А парень, который смотрел на Джека искоса, тоже сплюнул, стараясь попасть дальше.

Парень Джеку сразу не понравился. И девчонка тоже, хотя ее Воробей вообще не разглядел. Сейчас она сидел внизу, увязнув ногами в кисельной мути и скулила. Парень же стоял и пялился на Джека.

Чужак.

От чужаков всегда проблемы. И здоровый. Харя широкая, наглая. Сытая. Одет чисто и в новье, а на плече рюкзачок висит и не пустой.

Такие на свалку не заглядывали. И правильно. На свалке Джек быстро бы с ним разобрался.

– Ты кто? – спросил парень, сунув руки в карманы. Широкие штаны его растопырились, подбородок задрался, а нижняя челюсть выпятилась, как будто он собирался снова плюнуть, но уже прицельно, в Джека. Тотчас захотелось врезать. И Джек сунул руку в карман, нащупывая камень.

– А ты кто?

Воробей подумал, что парень не ответит, и тот не торопился отвечать. Но потом все-таки сказал, цедя слова:

– Александр. Алекс Баринов. Там – Юлька. Ну а ты?

– В...

Кошка предупреждающе зашипела, и, глянув в желто-голубые глаза, Джек смирился:

– Джек.

– Снот, – промурлыкала она, улыбаясь во все усы. – Советница Снот...

– Чья советница? – поинтересовался Алекс, разглядывая уже кошку.

– Пока не знаю. Но определенно, выбор у меня появился...

Она подошла к Алексу и потерлась о ногу – предательница! – а затем крикнула:

– Деточка, не окажешь ли ты нам любезность? Не поднимешься ли наверх, пока тебя гримы не утащили?

– Она и вправду разговаривает? – одними губами спросил Алекс, и Снот ответила.

– Конечно же, я разговариваю! Или ты глухой и не слышишь?

– Ну... слышу. Просто говорящие кошки мне еще не встречались. Впечатляет.

– А мне говорящие мальчишки встречались. Не впечатляет совершенно.

Кошка вновь переметнулась к Джеку и, поочередно мигнув глазами, произнесла:

– Спустись и помоги девчонке. А то ведь и вправду утащат. И аккуратней спускайся! Аккуратней! Не порань себя! Ну почему вы, человеческие детеныши, настолько беспомощны? Ни зубов, ни когтей... куда ваши родители смотрят?!

Когда она про родителей сказала, Джеку стало совсем тошно, и он рявкнул:

– Заткнись.

Спускаться пришлось на заднице, до того скользким оказался берег. А девчонка и не подумала помогать. Она сидела, раскинув ноги, и редела, всхлипывая и всхрюкивая.

Пятки ее в грязных кроссовках тонули в сером комковатом болоте. Чуть дальше оно светлело, избавляясь от илистых взвесей, и растекалось неоглядными водными просторами.

Если море существует, то оно именно такое – огромное и лоскутное, будто слепленное из разбухших кусков белого, серого и синего картона. Море шевелилось, и куски мешались, складываясь новыми узорами.

– У... уходи... я... я... ни-никуда... не... не пойду, – заикаясь от плача сказала Юлька. – Я... я д-домой хочу... домой хочу... а так ни-никуда не-не пойду.

– Ну и дура, – ответил Джек, прикидывая, как быть теперь. Не за волосы же ее тащить в самом-то деле! Хотя, может, и за волосы. Коса у нее была длинная толстая, нарядного рыжего цвета.

Только если дернуть за косу – девчонка завизжит.

Точно завизжит. Раньше визжали.

Когда раньше?

– Если не пойдешь, тебя гримы утащат, – Воробей не знал, что еще сказать. А она плечиком дернула и ответила, заикаясь:

– Н-ну... ну и п-пусть! Пусть тащат!

– Сожрут.

Девчонка только громче завывала. Джек оглянулся на кошку, но та о чем-то беседовала с Алексом. Ну и хрен с ними обоими. И вообще, с какой такой радости, Воробей тут стоит и беседы беседует? Снот велела? Ей надо – пусть сама и лезет. А Джеку... Джеку плевать. Он на свалке справлялся сам? Справлялся. И тут справится.

Самому – проще.

– Как знаешь, – сказал он девчонке и, развернувшись, зашагал вдоль берега.

А ведь сразу и следовало именно так поступить: быть одному.

– Эй! – донеслось сзади, но Джек не обернулся.

Он и цель себе выбрал: белоснежный утес, напоминавший акулий плавник. Утес выдавался в море, а на самой вершине его стоял дом, низкий и длинный, но по виду вполне себе человеческий.

– Эй! Ты меня так и бросишь? Вот так в-возьмешь и бросишь?

Воробей ускорил шаг. Но отделаться от девчонки оказалось не просто. Она догнала и, продолжая всхлипывать, пошла рядом.

И кошка сейчас спустится. И этот, который с нею...

– Ты... ты такой же... вы все одинаковые! – сказала девчонка, вытирая распухший нос ладонью.

– Кто – «все»?

– М-мальчишки.

Джек оглянулся. Девчонка была высокой и тощей. Изгвазданные джинсы съехали, обнажив белую полоску живота и две кости, которые торчали над ремнем, грозя прорвать кожу. Блуза неопределимого цвета облепила узкие плечи и руки, собравшись на ребрах мелкой складкой.

На свалке девчонок не было, но наверное они встречались в прошлой жизни Джека, о которой он не помнил и не думал до этого самого момента.

И дальше думать не собирался.

– А... А-алекс где? – спросила она, пытаясь приноровиться к шагу Воробья.

– Не знаю.

Наверху. С кошкой. Вот там пусть и остается. И этой, рыжей, к ним бы отправиться. Джеку она не нужна. Джеку никто не нужен.

– А... а меня Юлей звать. Юля Крышкина. Алекс Покрышкиной обзывает, но это потому, что Алекс дурак. Он над всеми смеется. И надо мной особенно. Но я же говорю – дурак.

– Да.

– А... а тебя как зовут?

Ей не все ли равно?

– Джек, – буркнул Джек, и эхом его голоса донесся крик:

– Джек! Я уже начинаю думать, что ты решил сбежать! – кошка шла по склону, и Алекс с нею, разве что на хвост не наступал. – Поднимайтесь!

Джек фыркнул: еще чего. Ей надо, она пусть и поднимается. Или спускается.

– Может... все-таки... – Юлька в последний раз всхлипнула и остановилась. – Там поверху, наверное, безопасней... и удобней. И вообще... поднимемся?

Отвечать Воробей не стал: сунул руки в карманы и засвистел. Свистеть его научил Беззубый Леха, одно время живший на краю свалки. Леха промышлял тем, что ходил в город и на вокзалах милостыню кланчил. Правда, он говорил, что не кланчит, а зарабатывает – свистит всякие песни, а люди за это копеечку платят.

– Кпеечка к кпеечке, – говаривал он, поглаживая консервную банку из-под «Тушенки туристической», которую носил на шее. – Кпеечка к кпеечке и рупь бдет.

Джеку – тогда еще Воробью – хотелось посмотреть, где же Леха прячет свои заработанные копеечки, но спрашивать он не спрашивал. На свалке не принято было вопросы задавать.

Те, которые пришли за Лехой, видимо, были не со свалки. И вопросов они не задавали: Леху просто били, долго, пока не убили совсем. Леха кричал. А Матушка Вала запретила из дому выглядывать.

– Не твое дело, – сказала она, прихлебывая из черной бутылки с нарядной наклейкой. – Не твое дело, Воробей. Запомни. В мире каждый сам за себя.

Воробей запомнил.

Просто тогда он не до конца все понимал, а теперь понял.

Каждый сам за себя, а значит, нельзя было верить Матушке Вале. И Кошке, которая появилась и взялась помогать. И парню с рюкзаком. И девчонке этой, которая все брела и брела сзади, как будто ее к Джеку привязали.

А дорога пошла вверх...

Глава 6. Не друг

Юленька ненавидела этот мир, грязный, серый и совершенно неправильный. Ненавидела Алекса – из-за него Юленька попала сюда! Ненавидела и Джека – разве бывают такие имена? У американцев, конечно, бывают, но на американца Джек не походил ничуть. Он был мелким, как пятиклашка, и дохлым. Кофта болталась на нем, как на вешалке, и только худые запястья торчали из рукавов. На запястьях-черенках сидели широкие лопатообразные ладони. Они были какими-то совсем уж темными, как у маминой подружки, которая отдыхала на Бали и много про Бали рассказывала. Она еще парео привезла, в подарок. Но, наверное, подарок маме не понравился, иначе зачем она его в шкаф спрятала?

Однако же сейчас дело не в парео, а в Джеке, который упорно брел по берегу и на Юленьку не смотрел. А ей приходилось смотреть на его макушку, на которой волосы торчали дыбом. И еще на тощую и темную, в цвет рукам, шею. И чем дольше Юленька смотрела, тем сильнее становилось желание ударить.

Взять камень.

Красивый белый камень.

Тяжелый красивый белый камень.

Который удобно ляжет в руку.

Которым можно размахнуться и...

Юленька потрясла головой, пытаясь избавиться от этих мыслей. Не будет она никого бить! Это неправильно бить людей по голове.

Конечно. Просто толкнет. К воде. Джек мелкий. У нее получится. Если в спину... или в плечо... так, чтобы в воду рухнул. Здесь уже глубоко... глубоко и хорошо... потом и самой можно будет... вымыться. Она же в грязи и это плохо. А вода красивая. Полупрозрачная, как лунный нефрит из маминых серег, которые Юленька взяла без спроса и потеряла.

Она не специально! Не специально! А мама ругалась и превратилась в маму-я-же-тебе-говорила. Юленьке было грустно. Она бы принесла серьги, если бы помнила, где именно потеряла. А выходит, что здесь. Вот же они, лежат на дне, окрашивает воду перламутром... нужно лишь наклониться... сначала толкнуть, потом наклониться...

Нефрит темнеет, наливается золотом... превращается в глаза. Самые красивые глаза, которые Юленька когда-либо видела.

Ей хочется подойти ближе... еще ближе... заглянуть... прикоснуться. Ведь золота много. Яркого-яркого, как ничто иное в этом унылом мире.

– Юлька!

Ей кричат?

– Не слушай их, – говорит существо. – Не слушай.

– Не буду.

– Хочешь, я сыграю?

Ах, какое у него лицо! Юленька готова любоваться им вечно.

– Я сыграю? – вновь спрашивает он и, склонив голову, робко улыбается.

– Сыграй.

– Покрышкина!

– Джек, сделай же...

Скрипка тоже соткана из золота, но темного, почти черного. Струны на ней – волосы. Пальцы – смычок. Они нежно касаются натянутых нитей, и хрустальный звон заставляет Юленькино сердце замереть.

Звук за звуком. Как будто звезды сталкиваются друг с другом. Сыплют осколки прямо Юленьки на руки. Прямо на руки. Подставляй же! Лови!

И ближе... ближе... к воде.

Звезды тонут. Надо подобрать их. Помочь.

– Я играю для тебя, – говорит Златоглазый. – Я играю для тебя. Ты слышишь?

– Я слышу. Ты кто?

– Грим. Подойди поближе.

Юленька идет. Ей безумно страшно, потому что в глубине этих раскосых глаз опасно поблескивают осколки нефрита.

– Ближе... ближе... – Грим отступает и волосы – какие удивительные, длинные у него волосы – расплываются по воде сетью. Стоит прикоснуться, и Юленька запутается.

– Стой!

Разве может она стоять? Музыка зовет ее.

– Отпусти! Грим, ты слышишь?!

– Разве я держу? – спросил Он, и море превратилось в один огромный кусок нефрита, пронизанный золотыми нитями его волос. – Разве я держу ее?

Нет. Юленька сама. Ей так хочется. Вода обнимает ее и ползет по ногам. Она опутывает руки, прижимая к телу, и опрокидывает. Тянет по жесткому дну, и Юленька задыхается, захлебывается горечью. Но ей ни капельки не жаль: здесь, в воде, музыка еще более прекрасна.

И она позволяла дышать.

Алекс видел, как Крышкина – ну дура же! Дура! – шла к воде. Медленно, словно бы нехотя, но шла. И на крик не отзывалась. И Джек не отозвался, хотя он-то топиться не лез. Он просто брел себе вдоль кромки воды, а Крышкина так же упрямо брела в самую воду.

– Вниз! – скомандовала Снот и первой бросилась по склону. Она съезжала, растопырив лапы и дико визжа, не то от злости, не то от возмущения.

Только спустившись Алекс увидел *это*. Оно возвышалось над водой и было не столько огромным, сколько странным. Сплетенное из золотистых нитей, которые прорастали сквозь толщу моря, оно казалось металлическим, но вместе с тем – живым. Кожа сияла, как сияли и длинные волосы, накрывавшие существо подобно плащу. Видны были лишь длинные руки с острыми локтями; в левой лежала скрипка, пальцы же правой, смыкаясь друг с другом, образовывали длинный смычок.

– Отпусти девочку! – зашипела кошка.

Существо задумчиво возило смычком по скрипке, но Алекс не слышал ни звука.

– Отпусти! Грим, ты слышишь?!

Веки его дрогнули, и на Алекса уставились два глаза, белесо-мертвых, будто из камня сделанных. Узкие губы раскрылись, выпуская черную ленту-язык.

– Разве я держу?

Грим склонил голову к плечу и провел по скрипке. Только теперь Алекс услышал далекий, слабый звук. Гвоздь царапал стекло. Настойчиво. Мерзко.

А Крышкина вдруг споткнулась и в омут ушла. С головой. Алекс хотел за ней броситься, но Снот рявкнула:

– Стой.

– Иди, – улыбнулся Грим. – Ты с-смелый... иди... с-са ней... ко мне.

Золотые волосы – сеть. Наступи, и опутают, утянут следом за Юлькой. Но стоять и ждать Алекс не мог. Не правильно это было: ничего не делать!

– Верни девочку, Грим. Не нарывайся.

– С-законная добыча. С-сама. Пришла.

Существо уронило скрипку, и та расплылась нефтяным пятном. Пальцы вновь стали пальцами, разве что слишком длинными и ровными, бессуставчатыми.

Глава 7. Драка

– Эй ты! Слышишь?

Джек шел, не сбавляя, но и не ускоряя шага. Он расправил плечи, хотя понимал, что выше не станет. Но может этот, который сзади, отвяжется?

– Стой!

Чего ради? Джек не напрашивался в няньки.

...няньки пахнут горелым молоком и кашей. Чаще всего варят пшеную, желтую. И растаявшее масло расплзается по тарелке. Тает белый сахар...

– Стой, слышишь?

Случайное воспоминание треснуло, и Джек, пытаясь поймать его – запах, вкус молока и молочной пленки, которая липнет к ложке.

Не вышло. Место, люди – все ушло. И Джек снова остался один в мире влажных камней, темного моря и скалы-ладони. Он медленно развернулся и, давя внезапную холодную злость, спросил:

– Чего тебе?

Алекс приближался медленно. Руки вперед выставил. Кулаки сжал. Но бить не решается. Это неправильно, потому что бить надо, пока тебя не видят.

Так надежней.

– Ты ничего сказать не хочешь? – он покраснел весь, и вены на висках вспухли.

У Антоныча с шестого сектора вены также набухали, когда он в матушку Валу камнями швырялся. Матушка терпела-терпела, а потом, когда камень попал в Воробья, сказала слово, и вздувшиеся вены лопнули внутри головы. Кровь полилась из ушей, носа и желтых, как та позабытая пшенка, глаз.

Антоныч умер.

Алекс был жив. А Джек не знал заветного слово и поэтому просто сказал:

– Отвали.

– Ты ее бросил!

– И что?

– Ты ее бросил! – Алекс вцепился в куртку и дернул на себя. – И теперь просто возьмешь и свалишь?

– Возьму, – согласился Джек. – И свалю.

Подумав, он добавил:

– Нахрен. Иди.

Алекс покачнулся. Побагровел. И бросился на Джека. Он ударил грудью в грудь, сбил и сам упал, подминая. Покатились. У Джека почти получилось вывернуться, подняться на четвереньки, но он снова упал, лицом в гранит. И каменный клык рассек щеку.

Сволочи.

Его схватили за шиворот, дернули, опрокидывая на спину. Алекс навалился сверху, вцепился руками в горло. Сдавил. Больно. И не вырваться. Вдохнуть бы... один вдох, и Джек покажет.

– Ты... ты ее убил! Ты убил ее! Ты же мог... – Алекс говорил и разжимал руки. А потом снова говорил и снова сдавливал шею. – Ты же видел... видел... не остановил...

Дышать.

Камень. В кармане камень, а на щеке кровь.

Кровь за кровь. Так правильно. А на девчонку – плевать. Сама виновата. Все всегда виноваты сами.

– Алекс, немедленно отпусти его. Джек, а ты прекрати бить Алекса! Прекрати!

И только когда острые когти впились в ногу, Джек очнулся. Он и вправду бил. Неумело, не так, как показывал Леха, и не так, как била матушка Вала, целя стеклянной розочкой под ребра. Он тыкал кулаками в куртку Алекса, и удары вязли в ткани, не причиняя вреда.

Снот шипела. Алекс сипел, не способный разжать пальцы, и не способный сжать их.

И глубоко вдохнув, Джек сунул руку в карман. Камень был на месте. Гладкий. Тяжелый. Удобный.

Джек ударил, метя в лицо.

Попал.

Алекс откинулся, обеими ладонями хватаясь за переносицу, а сквозь сомкнутые пальцы посыпались капли. Нарядные и красные, они падали Джеку на лицо, катились по щекам, мешаясь с его кровью, и уходили в гранит.

Кровь за кровь.

Удар за удар.

Под камнем урчало и рычало, ворочалось неторопливо то, чему не было названия. Оно еще спало, но было готово проснуться.

Еще капельку.

Всего одну... две... десять.

– Вставай! Вставай! – Снот, встав на задние лапы, толкнула Алекса в грудь. – Немедленно!

И он подчинился.

– И ты вставай! Джек, я в тебе разочарована. Сильно р-разочар-р-рована! – она вскарабкалась Алексу на плечо и прижала хвост к носу. Наверное, это было неудобно и щекотно, но Алекс не думал прогонять Снот. Джек потрогал щеку: ссадина зарастала. Она уже покрылась жесткой коркой засохшей крови, а теперь и корка облетала, оставляя кожу гладкую, мягкую.

– Вы оба поступили крайне безответственно! Разве можно драться?

Можно. Иногда – нужно.

Снот вздохнула, и окресные скалы отразили этот вздох. То же, что ворочалось в камне, затихло. Оно засыпало, но засыпало довольным. Джек почти слышал его мысли, медленные и ржавые. Не мысли – старый самосвал, увязший в мусорной трясине. И с каждой секундой он погружался все глубже и глубже.

Но поверхность трясины покрывалась блестящей коркой расплавленного металла. Он трескался и пропускал узкие листья, больше похожие на острые ножи. Джек хотел потрогать один – если он и вправду острый, то нож лучше, чем камень – но Снот зарычала так, что сразу стало ясно: трогать нельзя.

И тот, в глубине, тоже согласился: нельзя, Джек. Не время еще.

Позже.

Когда?

Когда-нибудь. Наверное, скоро.

– Кр-р-рови мало, – сказала Снот. – Вам повезло, что крови мало. Его бы я не остановила.

– Кого?

– Вёлунда. Великого кузнеца. Владыки альвов.

– Кого? – Алекс повторил вопрос и кошка ответила. Она говорила и мурлыкала, слова цеплялись друг за друга, опутывали, привязывали к месту и серебристым ножам, что выросли из камня.

Не уходи, Джек.

Подожди, Джек.

Всего минуту, это же недолго. Дослушаешь сказку и будешь свободен.

– Не было у Ульвдалире мастера, лучше Вёлунда-кузнеца. Золото знал и каменья. Кольца как змеи искусно сплетал он, сделал семь сотен, ту поджидая, которой поклялся быть верен...

Но Нидуд проведал, что мастер один обитает и воинов сотню послал, чтоб пленили его. Спящим связали и тотчас доставили к Нидуду-конунгу. Он же, радуясь славной добыче, взял себе меч, а дочери отдал кольцо. Мастеру Нидуд велел сухожилья подрезать, ибо боялся, что хитрый – сбежит.

Не сбежит. Крепко держат гранитные оковы. А силы иссякли. Но Джек точно знает, что силы вернуться, когда...

Когда что?

Мурлыканье Снот изменилось. И цепочка слов разорвалась, но не исчезла вовсе.

– Заперли Вёлунда на острове, имя которому – Севарстёд. Но не спасло это Нидуда-конунга. Страшна была альвов владыки месть. Двое сыновей было у Нидуда. И обоих убил Вёлунд. Дочь была у Нидуда. И обманом забрал ее Вёлунд... крылья выковал и улетел с острова Севарстёд... долго он жил. По-моему, слишком уж долго. И плененный единожды, начал бояться пленения. А может не его, но мести оскорбленного Нидуда? Или сына своего? Кровь кровью вяжется, крепко ложится, долго лежит... чем дольше жил Вёлунд-кузнец, тем сильнее становился страх.

Джек слышал его отголоски. В шепоте гранитных колыбельных, в шелесте прибрежных волн, в стоне скал, не способных держать собственный вес.

Страх был отвратителен.

– И выстроил Вёлунд лабиринт железный. Много поил, оживляя, его красной рудой. Чтобы железо дышало, текло, как речная вода, чтобы изменчиво было, как ветер. В самом же центре дом Вёлунд поставил. Жил в нем... если это можно назвать жизнью, – Снот перестала мурлыкать и соскочила на землю. – Он боялся нос из дома высунуть. А когда все случилось, там и заснул. Понимаете, что это означает?

– Нет, – признался Алекс, а Джек ответил:

– Страх убивает.

– Правильно. И еще... кровь – это жизнь. Ваша жизнь. Которую вы тут по глупости смешали. Связали. Но важно не это. В Ниффльхейме слишком мало жизни. И всегда найдется кто-нибудь, кто захочет сделать вашу жизнь своей. Поэтому будьте аккуратней. Не тратьте кровь попусту.

Глава 8. Дом на высоком берегу

Помогать все ж пришлось. Джек не хотел, но Снот глянула, и Джек забыл, что не хочет помогать. Он взял девчонку за ноги, Алекс – за руки. Так и потащили. Снот показывала дорогу, хотя особой нужды в том не было: дом на скале, похожей на плавник, виден был издали.

Далеко.

И девчонка тяжелая. Но отпустить – не отпустишь.

Все ж доволокли. Дом выглянул из тумана темными провалами окон, дохнул гнилью и заскрипел, заныл. Он был странен, этот дом. Стены его бугрились валунами и вползали в туман, скрывая извивы огромного тела. Высокая же крыша зияла многочисленными дырами, а сквозь дыры сочился дым. Ключья его оседали на оленьих рогах, что украшали ворота.

...седая паутина на черных ветвях. И небо блестит дождем. Капли падают, громко разбиваясь о воду, об асфальт, и увязая в белой шерсти...

– Хеорот или палаты Оленя, – Снот уселась на пороге. – Там будет очаг и чем его растопить. Стены надежны. Если не проливать кровь... но вы же не станете проливать кровь, верно?

Джек только фыркнуть сумел, до того он устал.

– И бояться не станете. Поверьте, здесь уже нечего бояться. Если, конечно, не лить кровь.

Она первой ступила во тьму, и Алекс потянулся за ней и потянул девчонку. А Джеку только и осталось, что следом пойти.

Внутри воняло, совсем как в доме Матушки Вала, если бы он вдруг стал размеров Хеорота. Тьма поблекла, а в сером сумраке проступили тени. И Снот завела очередную сказку.

Ее мурлыканье здорово мешала сосредоточиться на собственных мыслях, тех, в которых паутина, дождь и шерсть.

И вода в кроссовках.

– Давным-давно, когда расстилались вокруг болота, жил Хротгар-конунг. И повелел он поставить такой дом, чтоб хватило в нем места и ему, и супруге его, и воинам, и всем, кому доведется заглянуть на этот край мира.

Тени приближались, заглядывали в лицо и отползали. Они перешептывались о чем-то и были куда как живее скованного сном Вёлунда.

И тени знали что-то про Джека такое, чего он сам не знал.

– Выбрали они самый зеленый холм. Вырыли яму глубокою. И положили в нее норовистого коня, храброго пленника и кости сожженного драккара. А как пришло время, то начали и стены возводить. Выше и выше становились они. Толще и толще. Выдержать могли бы хоть ветра морского удар, хоть волну. А сам Хротгар завалил оленя невиданного, последнего от крови чудесной, с рогами... – Снот запнулась, прикидывая размер рогов. – Ну вы сами видели.

– Это мегалоцерус, – в сумраке Алекса было не видеть, так, одна из теней. Голос и тот звучал глухо, затерто. – Гигантский олень. Я в музее такого видел. Только они все вымерли.

– Конечно, – согласилась Снот. – Вымерли. На моей памяти очень многие вымерли. Олени тоже.

Олень. Музей. Хорошо ему. Матушка Вала если и водила куда, то к краю свалки, встречать самосвалы со свежим мусором. Рога в нем порой попадались, но мелкие и облезлые, не чета тем, что украшали врата Оленьих палат.

Меж тем глаза привыкали к сумраку.

Изнутри дом не казался таким уж огромным. Он походил на тоннель, крышу которого подпирали толстенные столбы. Вдоль стен выстроились широкие столы и широкие же скамьи, между ними вклинивалась лента гигантского очага, которая обрывалась, не дойдя до помоста. В очаге до сих пор тускло тлели зеленоватые угли, освещая и помост, и массивный трон, на нем стоящий.

– Кладите ее на скамью, – велела Снот.

Джек был рад освободиться от навязанной ноши. Руки болели, и спина, и плечи, как тогда, когда приходилось таскать со свалки мешки, туго набитые всяческим барахлом, которое Матушка Вала считала достойным продажи.

Ей бы здесь понравилось. Барахла здесь хватает.

На столах стояли деревянные кубки и миски, каждая величиной с колесо. Поднимались к потолку ржавые рогатины с мертвыми факелами. Нарядной белизной проблескивали опранные в металл рога.

Джек взял один в руки. Рог оказался тяжелым, неудобным. И вонял к тому же.

– Положи! – зашипел Алекс, вытирая руки о куртку.

– Отвянь.

Но рог положил: мало ли. И тени закивали – правильно делаешь, Джек.

– А здесь когда-то восседал сам Хротгар-конунг, – Снот уже взобралась на трон. Она казалась крохотным белым пятнышком между столбов-подлокотников, увенчанных оленьими головами, каждая из которых была больше кошки.

– Пировали воины... пили воины... плясали, – Снот расхаживала по трону от головы к голове. – Шумели. И разбудили чудище.

Алекс присел и принялся щупать девчонке шею, потом оттянул веко и заглянул в кругляш глаза.

– Покрышкина, просыпайся, – сказал он глазу, но стоило ему убрать пальцы, и веко скользнуло на место.

– Его звали Грендаль. Болотное чудище... оставь ее, она спит. Ей хорошо. Музыка Грима – лучшая колыбельная.

Алекс не отступился. Стянув рюкзак, он сунул его под голову девчонке. А потом еще и куртку стянул, укрыл заботливо.

Ну и дурак. Замерзнет – сам виноват будет.

– Ночь за ночью являлся Грендаль в Оленьи палаты, а после и в поселение. Многих убил он. Но встретился и тот, кто убил и Грендаля. Славный, славный Веовульф, сын Эггтеова. Он был героем. И так боялся перестать быть героем, что солгал... посмотрите вверх.

И снова получилось, что Джек не хотел подчиняться, но подчинился.

Столпы держали крышу. А с крыши свисали кости. Много костей. Джек начал считать, но он умел лишь до двадцати, а костей было больше. И все они, обряженные в рванину и ржавые кольчуги, покачивались на невидимом ветру, сталкивались друг с другом, издавая сухой деревянный стук.

– Вот цена его славы. И страха. Умер героем наш Веовульф. Всех одолел он. И море. И Грендаля-людоежера. И мать его, морскую волчицу. И дракона... всех одолел. Кроме себя. Слышишь, Джек?

– Слышу. Мне-то что? – Джек сел на скамью рядом с девчонкой.

Живая она? Вроде как да. Спит? Ну и спит. Поспит и проснется.

– Если она умрет, я тебя убью, – сказал Алекс.

Пусть попробует. Джек будет ждать.

Кошка вскочила спящей на грудь и оказалась нос к носу с Джеком. Короткий, но очень внимательный – как у цыганки-барахольщицы, перебирающей принесенные Матушкой Валой тряпки – взгляд сменяется другим, нарочито безразличным.

– Вы тут не сидите, – улыбку Снот не потрудились скрыть. – Огонь развести надо. Собирайте топливо.

Джек уже понял все, а этот, оставшийся в полосатой майке, только головой крутил, на скамьи поглядывая.

– Они сырые, – сказал он. – Дерево сырое. Гореть не станет.

– Не станет, – согласилась кошка. – Зато кости станут. Если что здесь и горит, так это кости.

Алекс не слабак и не трус.

Не слабак. Не трус. И плакать не станет. Ни за что не станет.

Он выбрал стол у второй стены и, отодвинув блюда и чаши, залез на него. Встал. Прикоснулся к костям. Наощупь те были сухими и тепловатыми.

Ничего. Это просто кости. Нужно поверить, что это просто кости. Схватить покрепче и рвануть. Схватить и рвануть.

Заскрежетало и рухнуло с облаком зеленоватой пыли, воняющей прелым мехом. Но Алекс не заплакал. И не заплачет. Он перешел к другому скелету, а потом к следующему... стол казался бесконечным.

– Хватит, – сказала Советница Снот, возникшая на пути. – Вам хватит этого. На некоторое время.

Алекс остановился и молча спрыгнул. Джек – все-таки он подонок и гад – уже собирал кости с пола. Черепа он расставлял на столе, грудины разламывал, выдирая тонкие ребра. Ноги и руки тащил целиком, чтобы бережно уложить в каменное ложе очага.

– Все равно зажечь нечем, – деревянным голосом произнес Алекс, когда под ногой хрустнул позвонок. – Нечем зажечь.

Черепа внимательно наблюдали за ним, как та тень – вдруг да заплачет. Ни за что.

Снот выудила из кучи челюсть с ровными белыми зубами, и вторую такую же.

– Ударь хорошенько. Вот увидишь, сразу и вспыхнет.

Пусть Джек бьет. Он не брезгливый.

Ну конечно, это не страх. Алекс просто брезгует прикасаться к этим совершенно посторонним ему костям. Вдруг они заразные? Чума там... или язва сибирская. Да и мало ли что еще.

– Бери, – велела Снот. – Ты же не хочешь, чтобы она замерзла? Посмотри.

Крышкина, продолжавшая спать, свернулась калачиком. Лицо ее побелело, а губы так и вовсе синими стали.

Ее одежда промокла. И Алексова куртка не спасет. Огонь нужен.

И Алекс решился. Он взял шершавые кости с гладкими камушками зубов, опустился на колени и ударил.

– Еще бей. Сильнее.

Он и так сильно бьет! Кошка просто издевается!

– Бей.

Алекс ненавидит ее. И Джека. Тот присел на корточки, руки до земли свесил, и пялится на Алекса. Смешно ему? Или ждет, что Алекс отступит? Не бывать такому!

Он не баба. Он не будет плакать.

И отступить тоже.

Кости встретились с оглушительным грохотом. Зубы рассыпались от удара, а из ладоней Алекса на костер выпала зеленая молния, больше похожая на жирную гадюку.

Огонь вспыхнул, высокий, жадный, он плясал, то силясь дотянуться до ржавых цепей, свисавших с кровли, то растекаясь по костям нервной зеленью.

Алекс подумал, что зеленый огонь – это ненормально.

Зато тепло.

– Все хорошо, – сказала кошка. – Страх надо убить раньше, чем он убьет тебя.

– Девчонку перетащим? – Джек поднялся и первым подошел к Юльке. Небось, стыдно ему... если так, то Алекс его простит. Сегодня ему больше не хочется драться.

Крышкину уложили как можно ближе к странному огню. И зеленые отблески заскользили по лицу, словно знакомясь. Огонь – не тень, вреда не причинит.

– Отдыхайте, – велела Снот. – Я ненадолго... удалюсь.

– Куда? – вяло поинтересовался Джек, вытягиваясь на лавке по другую сторону костра.

– Не важно. Главное, дождитесь. И не вздумайте пускать друг другу кровь. Она вам еще пригодится.

Алекс смотрел, как кошка пятится, растворяясь в черной тени. Последними исчезли глаза. Сначала желтый, потом синий.

Алекс очень надеялся, что кошка вернется раньше, чем погаснет огонь.

– Ты только совсем не умирай, Покрышкина, ладно? – попросил он шепотом.

Юлькины веки слабо дрогнули, а улыбка исчезла.

Часть 2. По эту сторону мира

Глава 1. Встречи

Кошка выбралась из норы меж корнями старого ясеня и, оглядевшись, сказала:

– Мяу.

На зов ее откликнулись не сразу.

Задрожали колючие плети шиповника, побелели алые лепестки, а иглы и вовсе подернулись инеем. Земля же треснула. Нити корней пытались удержать края раны, но та расплзалась, пропуская существо крайне уродливого вида.

Его голова ромбовидными очертаниями напоминала змеиную. Шея была коротка, а тело массивно. Неуклюжие лапы с трудом удерживали его на весу, и казалось удивительным то, что существо вообще способно передвигаться.

– Я здесь, Курганник, – сказала Снот и на всякий случай отодвинулась подальше. – Надо поговорить.

Существо медленно повернуло голову. Приподнялись кожистые заслонки третьего века, приоткрылась пасть.

– Я устала.

– Все устали, дорогая сестрица, – темный язык Курганника скользнул по чешуе, стряхивая комки земли и обрывки корней. – Ты здесь только затем, чтобы мне это сказать?

– Я сама не знаю, почему я здесь! – не выдержала кошка, и усы ее гневно растопырились. – Весь этот выводок... я с ними не справлюсь. Сил не осталось. А они кровь льют.

– Хочется?

– Хочется. И... и главное, что смысла во всей этой затее... нет смысла! Варг ведь прав!

– Он сдался.

– И нашел способ жить.

– Что есть такая жизнь, Советница Снот? Я спрашивал это у Одноглазого. Одноглазый смеялся. Где теперь Одноглазый? И где тот, который думал, что это он владеет Мьёлльниром? И злоязыкий? И все другие? Нету. И тебя не будет. И меня не будет. Когда-нибудь.

Вязкая слюна Курганника текла из пасти и, коснувшись земли, прорастала повиликой. Нежные стебли ее обнимали и колючую крапиву, и чахлые ромашки, и молодую ясеневую поросль.

– Я не смогу...

– Сможешь, сестрица.

– А если опять не выйдет?

– Попробуем снова.

– С каждым разом все хуже... и эти... они пусты. В них нет ничего! Ни силы. Ни веры. Ни... ни даже злости. Но мне их жаль!

– Жалость не имеет смысла, – он подвигался к Советнице боком, неловко припадая на кривые, суставчатые лапы. И бесконечно длинное тело с шелестом выходило из трещины: – А страх и вовсе убивает.

– Вот только не надо твоих...

Когтистая пятерня вцепилась в хвост и дернула. Снот попыталась удержаться на лапах, но не сумела, покатила по траве, а трава вдруг стала мягкой-мягкой. Земля раскрылась, приняв кошку, и сомкнулась. Рана заросла. И шрам исчез в зелени газона.

Курганник спускался, тянул Советницу сквозь рыхлую, легкую землю, в которой, словно изюм в пироге, лежали мышьиные черепа.

Сквозь слюдяные кости иных существ.

Окаменелую плоть.

Подземные жилы, в которых застыла ледяная кровь.

К усталому сердцу мира, где не осталось ни капли огня... и тени межмирья взлетели навстречу, моля о пощаде.

– Я не смогу... – говорила им Снот, но земля не позволяла словам жить. В ней самой уже не осталось жизни. И тени тонули в камне. Их черная кровь собиралась ручьями и реками, пробивалась наверх, наполнила каверны и разливалась озерами. Стальные звери приходили пить ее.

А потом вдруг все закончилась, и Снот выпала на траву, на то самое место, на котором и начиналась беседа. Она узнала его по бледным нитям повилики и мертвой траве.

– Ты... ты... я не хочу этого видеть! Да я попробую! Но это бесполезно! Бесполезно, слышишь?! И это не я боюсь! Это ты боишься поглядеть правде в глаза! Мы обречены! Мы все здесь обречены!

Тишина была ответом.

– Чтоб тебя... – проворчала кошка. – Чтоб тебе там заблудиться!

На повилике появились ягоды, крупные, красные, словно кровью налитые.

Это здание выделялось среди прочих особым, живым запахом. И пусть чувствовались в нем и кислота старческой немощи, и горечь болезни, но они всяко лучше нефтяного мертвенного смрада окрестных домов. В оплетенной диким виноградом стене кошка нашла окно в подвал. Здесь правильный запах был особенно силен. Им пропитались стены, трубы в древних шубах теплоизоляции и сами шубы, низкий потолок и даже металлические нервы проводки.

Он коснулся и черной шкуры, но тут же отпрянул, затих.

– Выходи, Ниссе, – сказала кошка шепотом. – Не бойся. Я не за тобой. Я к тебе.

– Я и не боюсь.

Куча хлама в дальнем углу зашевелилась, и появился крохотный человечек в белом халате.

– Они здесь?

– Здесь, – ответил человечек. – Все. Р-рядышком. Сейчас... сейчас... помогу.

Он прижал широкую лопасть уха к стене и поскреб кирпич ногтем.

– Да... да... там... Доктор Вершинин, пройдите в третью палату. Доктор Вершинин, пройдите в третью палату, – загудел старый дом. А Ниссе, вытерев руки о халат, начертил на стене воротца.

– Идем, двулика, – сказал он, вынимая из кармана дебелого светляка. – Поспешать бы. Вершинин – хозяин справный. Надолго не загуляит.

Нора вывела в светлую комнату со стеклянными стенами.

В комнате стояли аппараты, очень много аппаратов. Некоторые скрежетали, как рассерженные сверчки. Другие шипели. Третьи молча рисовали на экранах кривые линии.

А главное, что все они были мертвы, но странным образом не позволяли умереть той, которая, собственно говоря, интересовала Снот.

– Поспеши, – велел Ниссе и, сунув светляка на место, потянулся.

Он тянулся и тянулся к потолку, пока не стал размером с обыкновенного человека. Человек этот был лыс, носат и обряжен в белый халат с завязками на спине. Из-под халата выглядывали черные брюки, а из-под брюк – короткие широкие ступни с корявыми пальцами. Меж пальцев торчали клочья рыжего меха, а может быть, что и мха.

С домовыми никогда не угадаешь.

Кошка фыркнула и прыжком взлетела на кровать.

– Ну здравствуй, – сказала она.

Девчонка не ответила. Она лежала смирно, опутанная разноцветными проводами. На тонких вкусных змей похожи, пахнут иначе. Прокусить бы пластиковую шкурку, добраться до нежной мякоти...

Убить мертвое.

Но Снот велела себе не отвлекаться. Она прошла по самому краю кровати, тронула носом белую руку, холодную и сухую. Добравшись до низкой подушки, Снот легла над головой девочки. Вытянулись черные лапы, усы щекотнули кожу.

– Пр-р-роснись... пр-р-роснись.

Мурлыканье заглушило все машины сразу, оно наплывало и обволакивало. Веки девочки дрогнули. Глазные яблоки пришли в движение.

Влево. Вправо.

Вверх.

Вниз.

Вправо. Влево. Быстро. И быстрее, до розовых слез и треснувших сосудов.

Музыка Ниффльхейма звучала внутри, бежала по жилам, смешавшись с кровью и горьким содержимым проводов. И кошка, выпустив когти, впилась в лицо, покрытое сетью тонких шрамов. Она уже не мурлыкала – рычала. Ниссе предпочел отступить.

А гримова скрипка страха не знала.

– Пр-р-рочь... пр-р-рочь...

Сердце остановилось. Дыхание иссякло. Кошка выпила его до дна, а после вернула, надеясь, что еще не слишком поздно. И что привнесенная ею частица чужого мира, не слишком повредит безнадежному делу.

– Что здесь твориться? – дверь распахнулась, и в комнату вошел высокий человек в зеленом халате. – Кто вы такой? Ах ты...

Он кинулся было к кошке, но вставший на пути его Ниссе схватил человека за руки.

– Стой, – сказал он.

– Брысь пошла! Брысь пошла! Да кто вы такой? Отпустите немедленно! Я полицию вызову!

Доктор пробовал вырваться, но Ниссе был силен.

– Стой, – повторял он. – Стой.

А потом откашлялся и произнес механическим голосом:

– Доктор Вершинин, срочно пройдите в третью палату.

– Руки ему не поломай, – Снот неловко соскочила с кровати. Змеи-провода потянулись было за ней, они тоже хотели съесть кошку, но были привязаны к ящикам-приборам. – Пригодятся еще.

– Кошки не разговаривают, – сказал доктор Вершинин. И Советница с ним согласилась:

– Конечно, не разговаривают. Тебе кажется. Ты устал. Ты много работал.

– Да.

– Тебе надо домой.

– Да.

– И заberi уже того котенка, которого ты неделю подкармливаешь. Пригодится.

Ниссе фыркнул и разжал руки.

– А бельишко-то подворовывают, – произнес он, поскребшись ступней о плитку. – И на кухне, на кухне у тебя непорядок. Нехорошо! Хозяйство блюсти надо, Вершинин.

Доктор кивнул. Он смотрел, как человек, донельзя похожий на первого главврача больницы, уменьшается. Тает, тает... истаивает. А кошка вот сразу исчезла.

И правильно. Какие кошки в реанимационном отделении? Нонсенс!

Это от усталости все. Мерещится.

Доктор Вершинин подошел к кровати. Он знал, что присутствие его здесь и сейчас не имеет смысла, что в свое время он сделал все возможное для этой девочки, равно как и для тех мальчишек, которые лежали в соседнем боксе, и что теперь ему, как и прочим, остается одно – ждать.

Надеятся.

Верить. Но во что? В везение. Разве что в него. Немного в чудо и в силы высшие, но уж никак не в говорящих кошек. Впрочем, котенка Вершинин забрал. Тощего, рыжего, синеглазого, совсем как тот, что когда-то у бабушки жил.

– Аспирином будешь, – сказал Вершинин котенку.

И тот мяукнул в ответ, стало быть согласился.

Глава 2. Кое-что о родительской любви

Мама Юленьки, Изабелла Петровна, в бога не верила. В храм она заглядывала на Рождество и Пасху, держала в кошельке иконку, а вторую – в машине, прилепив к приборной панели скотчем, но вот чтобы действительно верить, душой – нет.

И сейчас она молилась не тому существу, которое пряталось в синих глазах апостолов, но кому-то, кто не имел имени, лица, и вовсе, быть может, не существовал. Молитва нужна была самой Изабелле Петровне.

Она помогала держаться. Все знакомые так и говорили:

– Ты хорошо держишься, Белла.

А ей оставалось лишь кивать, вымученно улыбаться да отвечать что-то вежливое. Она и не помнила, что именно... да и какое значение имеют слова?

...иже еси на небеси...

Сама прошлая жизнь, еще недавно переполненная важными и срочными делами, проблемами, обещаниями, вдруг оказалась лишённой смысла.

...да святится имя твое. Да пребудет воля твоя... или царствие? На небе и на земле.

А безвольных оставь в гóре. Исуши слезы. Утоли моя печали. Верни потерянное.

Или хотя бы скажи, как вернуть. Белла готова на все. Но пока она может лишь стоять, прислонившись руками и лбом к стеклянной перегородке, на которой расплзается влажное пятно дыхания.

Слез вот нет. Совсем.

– Белочка, ты бы поплакала, – все повторяет Васька, сует мятый платок в руки, и сам всхлипывает, тонко, мерзко.

Нет зрелища отвратней рыдающего мужика.

Неужели не видит он, до чего жалок?

Среднего роста, горбится по привычке. И сутулится. Руки прижимает к груди, то и дело дергая себя за бородку. Сколько раз Белла просила сбрить ее! Не сбывал.

– Белочка, все будет хорошо, все будет хорошо, – сказал он. – Иди домой. Отдохни. А я подежурю.

Ничего не будет хорошо. Никогда. И ему ли не знать. Так почему врет?

Это он виноват!

Нельзя так думать. Неправильно. Надо искать позитив. Где? Не важно. Вселенная ответит. Или бог. Главное, что положительные мысли очищают ауру. А с чистой аурой ничто не страшно.

Щуплая ладошка супруга легла на плечо, и Вася чуть более настойчиво повторил:

– Отдохни...

– Отстань, – сказала Белла Петровна и, поведя плечом, стряхнула руку мужа. – Я должна быть здесь.

Должна. Обязана. Вчера вот она ушла, и Юленьке стало хуже. А если бы Юленька умерла? И если умрет? Стоит только отвернуться, поддаться собственной слабости и... Белла Петровна обернулась на звук шагов. Жесткие, громкие, они порождали эхо в узком больничном коридоре. И в их грохоте терялся цокот каблучков.

– Явился, – фыркнула Белла Петровна, а супруг ее ничего не сказал, лишь вздохнул: ему совершенно не хотелось встречаться ни с Семеном Семеновичем Бариновым, ни с его женой.

– Здравствуйте, – сказала Аллочка и всхлипнула. – К-как они?

– Без изменений.

Беллу Петровну тошнило от глянцевого вида этой блондинки, которой было столько же лет, сколько и ей, но при том Аллочка умудрялась выглядеть моложе.

Тоньше.

Изящней.

И курточка из серебристой шиниллы ей к лицу. И само лицо, если не с обложки, то со страниц журнала точно. Брови идеальной формы, кожа идеальной гладкости и цвета. Линия губ. Синева глаз.

Слезы на серых ресницах, слишком длинных, чтобы быть настоящими.

Ненависть рвала сердце. А родилась она в тот самый день, когда сообщили о *происшествии*.

Тогда Белла Петровна, бросив все, прилетела в эту затрапезную больничку, первую по пути от места аварии. Прилетела и у стойки регистрации столкнулась с Баринным. Он снял очки, которые на массивной его голове смотрелись попросту смешно, сунул их в карман рубашки и сказал:

– Это все из-за вашей девки.

До Беллы Петровны и смысл сказанного не сразу дошел. А когда дошел, она от возмущения и гнева потеряла речь: во-первых, с нею так не разговаривали. Во-вторых, это Юленька сейчас находилась в операционной. Ее нежная, маленькая девочка!

А Бариннов продолжил:

– Шурка из-за нее поперся.

Шурка? Кто такой Шурка? Ах да... конечно.

– Ну и держали бы своего Шурку дома под колпаком.

– И буду.

Тогда они не сцепились лишь потому, что у стойки появился врач. Уже потом, обдумывая произошедшее, Белла Петровна пришла к выводу, что врач тот был странноватым. Но тогда его сияющая лысина, длинный нос и цепкие руки, торчащие из рукавов старинного халата, всецело завладели ее вниманием. Эти руки постоянно пребывали в движении. Они то теребили манжеты, то ныряли в рукава, то тянулись к хрящеватому неровному носу, мяли и терли его.

– Ведите себя хорошо, – сказал им врач, как будто они с Баринным были детьми. – Здесь больница. Больница здесь! Надо вести себя хорошо! Положено!

– Что с моей Юленькой? Юля Крышкина?

– Бариннов. Александр.

Сказали хором. Глянули друг на друга. Замолчали.

– Жить будут, – пообещал врач.

А спустя несколько часов ожидания, уже другой доктор, длинный и в зеленом, а не белом, халате, устало перечислял травмы. И каждое слово его было как удар. Белла Петровна сама не заметила, как заплакала, врач же на слезы разозлился.

– Они живы, – сказал он, глядя почему-то на Бариннова. – Им повезло. Не то, что...

Он, наверное, имел в виду других, мертвых или умирающих, но мысли об этом нисколько не утешали. Какое Белле Петровне дело до других? Ей Юленька важна! И врач тоже все понял:

– Верьте в лучшее, – посоветовал он, устало потирая глаза.

– Распорядитесь, чтобы моего сына приготовили к перевозке. Я...

– Вы его убьете, – прервал Бариннов врач. – Он не переживет транспортировку.

– Я куплю...

– Купите себе терпения. Пригодится.

И он ушел, а Белла Петровна осталась наедине с Баринным. С того дня между ними установилось некое подобие перемирия.

Она дежурила.

Он платил. Не Белле Петровне – санитаркам, медсестрам, приглашенным специалистам, от которых, впрочем, толку было не больше, чем от местных... он как будто откупался от необходимости быть в больнице, смотреть, чувствовать и выть про себя от бессилия.

Там, снаружи, и легче, и тяжелей. Парадокс бытия.

И ауре явно не хватает позитива.

Сегодня Баринов подошел ближе обычного.

– Вы бы отдохнули, – сказал он безразличным тоном. И поскреб щеку, на которой виднелись белые ниточки шрамов. Белла Петровна удивилась, что только теперь заметила эти ниточки, и подалась ближе, желая разглядеть.

– А знаете, – сказала она задумчиво. – У Юленьки такой же шрам. Только на руке. И... и у вашего тоже. Кажется.

Она так и не научилась называть этого мальчишку по имени.

– А это у Сёмы с детства такой. Он когда-то в аварию попал и вот, – пояснила Аллочка, комкая куртейку.

Лето скоро. Кто носит шиншиллу летом?

Тот, у кого хватает на шиншиллу денег.

– Я ему говорила, что убрать надо. Шрамы сейчас не в моде.

– Заткнись! – рявкнул Баринов, резко разворачиваясь.

Он исчез в смежном коридоре, бросив сонную Аллочку, которая и не подумала затыкаться. Она щебетала, нервно улыбалась, дергала мех и кидала пуховые волоски на пол.

– Я потом тоже передумала. Мне гадалка сказала, что это не просто шрамы. Это руны. Та, которая палочка – иса. А в центре другая, которая перевернута и тоже что-то значит, но я уже забыла. И наверное, ерунда это все. Алекс ведь поправится? Так не может быть, чтобы не поправился. Сёма заплатит.

Ее васильковые глаза смотрели с такой надеждой, что Белле Петровне стало неудобно. Она хотела сказать что-нибудь утешающее, но не успела: появился Баринов. И не один.

Он тащил врача за собой, хотя тот и не думал вырываться.

– Сёма иногда такой странный, – поделилась наблюдением Аллочка.

– То на всех троих? – Баринов говорил громко. Наверное, у него уже не осталось сил крик сдерживать. – Не только Алекс, но остальные тоже.

– Ну да. Совпадение. Странное. Но беспокоиться надо не об этом, порезы – лишь порезы и...

Белла Петровна хотела узнать, о чем же надо беспокоиться, но Аллочка вдруг расплакалась. Она рыдала громко, упоенно и некрасиво, прижав истерзанную куртейку к лицу. Подкрашенные тушью слезы падали на воротник, добавляя шиншилле черноты.

И тогда Баринов отпустил врача, схватил жену за локоть и поволок из больницы. Рыдать она не прекратила.

– Дикие люди, – Василий выразил Беллину мысль.

Совершенно точно, дикие.

Но не в них дело, а в том, что надо ждать и верить. Тогда Юленька очнется. Обязательно. Чудеса случаются.

Надо молиться. Кому-нибудь. Вдруг да отзовется.

Глава 3. Люди и тени

Дом Семен Семенович Баринов возвел в пригороде, в месте престижном и дорогом. Здесь, среди канадских кедров, японских лиственниц и белых елей, имевших окрас вовсе не белый, а скорее грязновато-желтый, стояло едва ли полтора десятка домов. Хозяйева их весьма ценили уединение и покой, который, впрочем, был нарушен ревом автомобильного движка. Серый «Мейбах», слетев с дороги, пропахал газон, раздавил с полдюжины розовых кустов и превратил в месиво сортовые фиалки.

Но в данный момент Семена Семеновича Баринова меньше всего волновали фиалки.

Растеряв остатки спокойствия, он бросился в кабинет и бежал так быстро, что дубовые половицы хрустели под его ногами. Сонный лакей с подносом, нехстати оказавшийся на пути Баринова, был просто отброшен в сторону. Посеребренные тарелки покатались по ступеням, нарушая печальную тишину дома веселым звоном.

– Сема расстроен, – объяснила Аллочка лакею и помогла собрать тарелки.

А где-то наверху хлопнула дверь.

– Сема очень расстроен.

На деле же Семен Семенович Баринов пребывал не в расстройстве, но в состоянии, близком к бешенству. С ним случалось, особенно по молодости, терять над собою контроль и падать в молочно-белую пелену, в которой становилось возможным все. В такие редкие минуты он начинал действовать безрассудно и рискованно, а многие, кому случалось быть свидетелями этих вспышек, и вовсе говорили, что будто бы Баринов утрачивал разум и что ему лечиться бы надо. Но Семен Семенович знал – лечение не поможет. Ведь даже если вырезать шрам вместе с кожей, он останется, отпечатанный в костях, а то и в самом сознании.

Иса. Кано перевернутая. Иса.

Отметка чужого мира, напоминание о решении, которое когда-то казалось правильным.

В последние годы шрам утих, напоминая о себе крайне редко, да и то льдистым покалыванием, а не выплесками туманов с *той* стороны. Но сейчас он наливался кровью, распухал и нервно пульсировал, отдавая острой болью в зубы.

Семен Семенович снял пиджак и туфли, оставшись в синих носках и синей же рубашке. Кое-как выковыряв запонки, он рванул рубашку. Посыпались пуговицы, а цветные лоскуты полетели на кожаный диванчик. К ним присоединился и ремень с широкой посеребренной пряжкой.

Баринов же достал из нижнего ящика стола шкатулку, перехваченную крест-накрест цепью. Поддев цепь мизинцем, Семен Семенович с легкостью разорвал ее.

В шкатулке лежали нож, больше похожий на медвежий коготь, и кисть. На каминной полке нашлась миска из белесого янтаря, которую Баринов поставил у камина.

Не выдержав, он все же прикоснулся к шраму, и тот дернулся под пальцами, уходя вглубь мышцы.

– Я приглашаю тебя, – громко сказал Семен Семенович в жерловину декоративного камина. – Слышишь? Я приглашаю тебя в свой дом.

Ухватив нож-коготь за короткую рукоять, Баринов вогнал лезвие в руку и дернул, распарывая кожу по синей ленте вены. Струйки крови закапали в миску. Они наполняли ее медленно, сначала до половины, а там и почти до краев.

– Я знаю, что ты здесь, – Баринов отложил нож и, взяв в руки кисть, прямо на паркете вычертил руну «Иса». – Я слышу тебя, кем бы ты ни стал сейчас. Выходи. Есть разговор. Будь...

Он запнулся, но заставил себя договорить:

– ...гостем в моем доме.

Тень выползла не сразу. Она долго ворочалась в камине, высовывая то короткую уродливую лапу, то суставчатый хвост, украшенный двойным рядом острых шипов, то птичью голову на тонкой шее. Но запах крови манил, и тень не устояла.

– Ссдрастуй, – прошипела она, перетекая на пол. – Ссдрасстуй, Сссема.

– Где Шурка?

– Шшшурка? – тень обернулась вокруг миски. Длинный язык ее коснулся крови, и тень благостно заурчала. – Ты ссам сснаешшшь.

– Он там?

– Там, – легко согласилась она.

– Верни его. Слышишь? Верни!

– Бесспокоишься? Бесспокойссся... Ссбежал... ссбежал... трон пусстует. Вссем плохо.

Она забралась в миску с лапами. Тень поглощала кровь и росла, становясь больше, черней.

– Ты ушшел... ты ушшел... броссил. Мы расстроены. Ссильно.

– И поэтому вы забрали моего сына?

– Нет. Он ссам. И вссе ссам. Он не отсступит.

– Не отступит, – повторил Семен Семенович. – Я учил не отступать.

– Вссегда первым. Верно? Во вссем... и он ссправится. Сстанет владельцем Ниффльхейма.

Тень улыбнулась беззубым ртом.

– Это будет ссправедливо... ссправедливо... но ессли ты хочешь, я могу предупредить. Рассказать правду. Вссю до капельки. До посследней капельки крови.

Она попятилась, показывая, что в миске пусто, и Семен Семенович, вытянув руку, надавил на разрез. Тень ловила кровь на лету и жадно глотала. Каждый глоток порождал волну судороги, а тело раздувалось, пока не раздулось до предела. Оно лопнуло, выпустив тысячу крохотных перышек, которые шевелились и шелестели, повторяя каждое, произнесенное Тенью слово.

– Верни Шурку и у тебя будет столько крови, сколько захочешь.

– Хорошо бы. Но рассве я могу?

– А кто может?

– Ты сснаешь. Ссоветниси поговорила бы с тобой. Ей есть, что сскаать тебе. Ессть... а я – лишь тень... проссто обыкновенная тень.

Перья раскрылись маленькими жадными ртами. И каждый тянулся к руке, норовил поймать свою собственную красную каплю, которых слишком мало было для всех.

– Но ессли ты хочешь... ссделка... ссделка... я ссделаю твоего ссына сснающим.

– Что взамен?

– Другой. Время. Дай ему дойти. Не дай... не поссволь его убить ссдесь. Ссаци. Там – мы ссами. Ссдесь – помощь. Ссогласись. И я ссделаю так, как ты проссишь.

– Как его имя?

– У него нет имени.

– Тогда как я узнаю его? – спросил Семен Семенович, уже приняв решение.

Он не был плохим человеком. Он просто любил сына.

– Усснаешь... усснаешь... Ты уше сснаешь. Он там же, где и твой Шшшурка. Ты проссто не видел. Он третий. Но пришшел другим путем, – набрякшая тень отползала к камину, оставляя на полу широкую полосу слизи. – Ты не ссамечал. А теперь ссаметишь. И ссдержишь сслово. Ссдержишь?

– Я защищаю мальчишку столько, сколько понадобится? Он доходит. И он становится владельцем Ниффльхейма?

- Сстановится. Ниффльхейма. И вссе будет хорошо. У вссех.
- И Шурка вернется? Если так, то я согласен.
- Вернетсся... Ессли ссахочет. Ты ше сснаешь, как это... сслошно выбрать.
- Эй! Ты обещала!
- Я обещала расскаать. Я расскажу. Но дальше – он ссам.

И Тень распалась на клочки, которые уже были самыми обыкновенными тенями, безмолвными и безвредными.

Семен Семенович поднялся не сразу. Он сидел, уставившись в камин, потирал свежий порез и думал о том, что делать. Конечно, ему было жаль того, другого безымянного мальчишку, но слово было сказано. И слово было услышано.

А Шурка, он же не дурак, чтобы на рожон лезть. Будет время – сделает правильный выбор. Конечно... Семен Семенович ведь сделал когда-то.

В тот же день у палаты номер три появилась круглосуточная охрана.

Глава 4. Идущий по следу

Карлика доктор Вершинин заметил издали, точнее не самого карлика, а зеленый зонт, показавшийся несуразно огромным. Желтыми квадратами на нем выделялись латки. Зонт крутился, латки скользили, выписывая круги, и доктор Вершинин сам не заметил, как залюбовался этими самыми кругами. Он очнулся, лишь когда человечек исчез, и удивился тому, что стоит, упершись лбом и ладонями в окно.

Еще немного и шагнул бы к чудесному зонту.

– Что за... – Вершинин отлип от стекла и рукавом стер влажный отпечаток. – Мерещится.

Он вспомнил про вчерашний случай с говорящей кошкой и повел плечами: определенно, следовало бы взять отпуск. Но когда?

Сначала с кухней следовало разобраться, и с постельным бельем, которое – права оказалась галлюцинация – подворовывали. Кроме этих мелких по сути бытовых забот на Вершинина давили иные, куда более серьезного плана.

Больница погибала. Медленно. Мучительно. Расползалась по швам старых коммуникаций. Трещала древними полами, стонала стенами, вечно холодными, мокрыми. Ремонт бы... хотя бы окна заменить, чтоб сквозить перестало. И потолки подправить. А там, если останется, перестелить полы, подчистить стены. И нормальных кроватей закупить вместо старых, скрипучих.

Новый аппарат ЭМРТ... и томограф... и детское крыло... наверное, можно было попросить Барина, но Вершинин не умел просить. Он вообще был непробивного характера и потому до сих пор барахтался в старой больничке, из последних сил удерживая вытекающую из нее жизнь.

– А если все-таки прикроют? – спросил он сам себя и сам же себе ответил. – Авось и не прикроют. Поборемся.

Со старой фотографии, которая висела в кабинете всегда, даже когда полагалось иметь строго определенный набор портретов, Вершинину подмигнул человек в старинном наряде.

Этот же человек этажом ниже встал на пути гостя с зонтом.

– Здравствуй, Ниссе! – воскликнул карлик, шутливо кланяясь. – Как же я рад видеть тебя!

Сейчас на Брунмиги был удивительного вида зеленый сюртук с длинными фалдами и крупными серебряными пуговицами. Пуговицы блестели столь ярко, что все люди, которым случалось идти мимо, только их и замечали.

А заметив, сразу забывали.

– Зачем пришел? – Ниссе поправил солидные вязаные нарукавники, которые вытащил из тайника специально ради незванного гостя. Его он почуял еще на подходе, и совсем не обрадовался.

– Поговорить... просто поговорить со старым, добрым другом... шел мимо, шел. И вдруг вспомнил! Тут же Ниссе обретается! Я же так давно не видел Ниссе!

Брунмиги оттянул карман и сунул в него зонт. Зонт исчез до половины, а вторую половину с кривой рукоятью в виде волчьей головы, карлик запихивал медленно, проталкивая в бездну кармана сантиметр за сантиметром.

– Или ты все еще злишься за ту шутку? Брось!

– Шутка?! Ты... ты сюда Варга привел! Из-за тебя в моем доме кровь пролилась! В моем доме кровь! – Ниссе от злости стал выше, кулаки его налились, сделавшись похожими на два окаменелых яблока.

– Всего-навсего человеческая. А люди только и делают, что умирают. И сейчас тоже.

Брунмиги прислушался, чтобы в следующий миг притворно вздохнуть:

– И вот снова...

Ниссе и сам слышал, как со слабым звоном оторвалась душа от тела. Легкой дымкой окружила она растерянного вёрда, духа-хранителя. И огонь его, уже собравшийся было погаснуть, вспыхнул вновь. Он опалил стены старой больницы, причиняя и дому, и Ниссе боль, но оба терпели. Бессмертная искра прошла сквозь кирпич и устремилась к солнцу.

Не долетит.

Сорвется в землю. Уйдет к старому сердцу мира, чтобы влиться в стаю одичавших душ. И когда-нибудь вместе с ними переплавится в черную маслянистую кровь.

И чтобы этого не случилось, Ниссе должен делать то, что он делает.

– Так чего тебе надо, Брунмиги? Говори или поди прочь.

– Надо... надо... это тебе надо. Скоро и ты помрешь. Не как они, а навсегда. Сколько простоят твой домишко? Пять лет? Десять? Двадцать? А потом все равно развалится. Он уже разваливается! Слышишь?

Слышал Ниссе, давно слышал, еще когда приехал в эту страну, прячась в багаже старого шведа, охраняя накрахмаленные сорочки, кофр с блестящим хирургическим инструментом и круглый угловой камень. На камне этом прежний дом держался. И новый стал. И другой еще, сросшийся с фундаментом нового-старого дома встанет. Снесут больницу? Ну так свято место долго не пустует. Отлежится Ниссе, отоспится, срастит косточки, переломанные техникой, залижет раны, и пойдет обживать новое-новое зданье.

– Нет уж-шш, – зашипел Брунмиги. – Я позабочусь... я лично позабочусь, чтоб от этой конуры ни камушка, ни пылинки не осталось. Сгинешь! Без меня сгинешь!

– Без тебя? Или без хозяина твоего? Кем ты стал, Брунмиги? Погляди на себя. Честным троллем был. Жил как жилось. А теперь? Под переродком беззаконным ходишь.

На голос хозяйский дом отозвался скрежетом, стуком дверей, что разом захлопнулись, гневливым ветром, пробежавшимся по коридорам. Ветер подхватил ветер бумаги со стойки, перекрутил, расшвырял в лица людям. И исчез, как будто не было его.

– Не пугай. Не боюсь я тебя, – Брунмиги подался вперед. – Верно говоришь. Жил я. Почестному жил. Как заведено троллю. Да где теперь мой омут? Засыпали. Закидали гнилью. Сетями разгородили. А на берегу церкву выстроили. Тьфу, мерзь... я терпел. Приноравливался. И знаешь, чем все кончилось? Тем, что я едва-едва не подох. А Хозяин меня отыскал. Отпоил.

– Кровью?

– Уж не ульдриным молоком. Но теперь-то я правду вижу. Кровушка любого молока вкусней.

Брунмиги медленно надвигался, заставляя Ниссе пятиться.

– Сладенькая. Горяченькая. Пил бы и пил бы... пока не лопнул. А там сросся и снова пил бы...

– Ты отвратителен!

– На себя поглянь! Поселился с людьми. Прирос. Притерпелся. Мнишь себя хозяином? Да они о тебе и знать не знают. Выйди к своему Вершинину разлюбимому. Что он с тобой сделает? В клетку посадит? Аль сразу в банку с формалиной? Нет, Ниссе. За Хозяином правда. Он один знает, что только сила силу и возьмет. А вы все... вы все – бессильные теперь! И такими же останетесь. Но Хозяин добрый. Он готов принять вас под свою руку. Освободить, как освободил меня.

Он оскалился. Зубы Брунмиги, некогда желтые, туповатые, похожие на речную гальку, стали длинными и острыми. Не зубы – иглы костяные.

– Отдай мальчишку. Все равно ведь дотянемся...

– Нет.

Ниссе коснулся стены, вбирая силу дома. Босые ноги уперлись в пол, кривые пальцы вцепились в зеленый бархат сюртука, раздавливая и его, и сухие ручонки тролля.

– Уходи, – сказал Ниссе, делая шаг.

Он поднял Брунмиги с легкостью, как некогда поднимал мешки с зерном, лошадей или даже целые груженные повозки с упряжными волами вместе.

– Уходи! – крикнул Ниссе, и дом повторил приказ.

– Уходи!!!

Ниссе швырнул тролля в стену, и тот с поросычьим визгом прошел сквозь кирпичную кладку, которая стала вязкой, как желе, кувыркнулся в воздухе и шлепнулся на клумбу с колючими розами. Цветы зашевелились, поспешно растопыривая стебли.

– Прочь... прочь... прочь... – шелестели они, раздирая зеленый сюртук на мелкие клочки. Аромат их стал нестерпимо сладким, и осы, гнездо которых находилось под самой крышей, тотчас устремились на зов. Ос Брунмиги не боялся – толстую троллю шкуру и не всякий меч пробьет, но все же поспешил удалиться.

Лишь оказавшись за оградой, Брунмиги погрозил больнице кулаком.

– Смотри! А я же мирно хотел. Ничего... мы-то свое получим. Не через тебя, так через Вершинина. Глядишь, он и поговорчивей будет. А нет... Хозяин вас просто-напросто сотрет. В порошок сотрет!

Вершинин видел карлика в зеленом грязном наряде. Карлик прыгал, корчил рожи и грозил кому-то кулачками. Он был до того потешен, что Вершинин улыбнулся.

– Наверное, цирк лилипутов приехал, – сказал он медсестре, но та лишь плечами пожала: никаких карликов она не видела.

Примерещилось доктору.

Глава 5. Каменный дом

Дом стоял за высоким забором, одна сторона которого выходила на свалку, другая – на мрачный большой ельник, к третьей жались гнилая речушка, а четвертая была обращена воротами на дорогу. Дорога эта отличалась просто поразительным качеством покрытия, а еще полным отсутствием разметки, что нисколько не мешало Брунмиги. Он ехал прямо по центру и, торопясь, подхлестывал седобородого козла. Тот упрямылся и не прибавлял шагу, но лишь поддавал задом, норовя скинуть седока. В грязной козлиной шерсти раздраженно звякали бубенцы, а узкую морду с отвислыми губами украшали желтые охряные полосы.

Поравнявшись с воротами, козел вскинулся на дыбы и протяжно заблеял.

Ворота открылись.

По ту их сторону не было ни поста охраны, ни собак, ни стриженных лужаек, цветочных кустов или ярких клумб. Сразу у забора начиналось обсидиановое поле. Гладкое, навощенное, оно жадно впитывало солнечный свет, но оставалось вечно голодным. А ниже камня, в коконе гримовых волос, билось сердце йотуна. Оно исправно гнало темные воды по жилам-протоочинам, и неторопливые удары заставляли камень вздрагивать, а порой и выгибаться. Брунмиги опасался, что однажды обсидиановое зеркало треснет и выстрелит в небо острыми осколками. Но сердце замирало, и камень возвращался к прежним формам.

– Уже вернулся, Брунмиги? – Хозяин ждал во дворе, просто стоял, любуясь солнцем. И эта его привычка – выходить и замирать, впериив взгляд в лохматый шар светила – пугала Брунмиги также, как пугал голос, взгляд, да и все иное в этом человеке. – Надеюсь, порадуешь меня?

О Хозяине говорили много всякого, особенно раньше. Иные утверждали, что он – чудище в десять альнов¹ ростом. И что зубы у него железные, а глаза – стеклянные. Что левой рукой он драккар поднимет, а правой – и кнорр, доверху нагруженный. Что не убить его ни мечом, ни копьем, ни стрелой...

Про корабли Брунмиги ничего не знал и врать не стал бы, ну во всяком случае без особой на то необходимости, а вот внешность у Хозяина была самая что ни на есть человеческая. Росту – альна три и то неполных. Зубы белые ровные, навряд ли железные. И глаза, хоть льдяно-прозрачные, но уж точно не из стекла. Седые волосы Хозяин по давешней привычке в косицы заплетал, а в каждую косицу по косточке прятал.

Нойда, что с него взять. Стоит на холоде и не мерзнет, выйдет на солнце – не согреется, сколько бы ни кутался в плащ из живых соболиных шкурок сшитый. Смотрят соболя на Брунмиги да скалятся, с ответом поторапливая.

Брунмиги сполз с козла и едва удержался, чтоб не бухнуться на колени:

– Не вышло, Хозяин!

– И что же тебе помешало? – голос был холоден, как ветра Йоля, и дрожь сотрясла Брунмиги от макушки до пяток.

– Ниссе, Хозяин! Он мальчишку бережет! Я уж уговаривал, уговаривал... и ласково, и пугал тоже... но разве ж Ниссе запугаешь? Упрямый их род! Пока дом стоит, то и на волосинку не подвинутся.

– Ясно. Пошли.

Брунмиги поплелся за хозяином в дом, который больше походил на могильный курган. В основании его лежали камни белые, круглые, будто черепа. А на них стояли камни красные, плоские, что клинки, бурей мечей срошенные. И ребрами поднималась крыша, сочилась тысячей дымов, один другого гуще. Шли дымы в небо, рождали туманы. Вдыхала их свалка, трави-

¹ 1 альн = 60 см.

лось воронье. Болел от них ельник, желтел иголой, осыпался до времени. Гнила заживо река, и Брунмиги, всякий раз оказываясь рядом, морщился болезненно да уговаривал воду потерпеть. А дорога оставалась прежней – гладкой, черной, мертвой. Она провожала туманы к городу и, подсев в седые дымы, скармливала людям.

Людей Брунмиги было не жаль.

– Ниссе ведь не сам тебе перечит? – спросил Хозяин, и соболиные головы, повернувшись к Брунмиги, зашипели.

– Он... он ничего не говорил.

– Не сам, – уже утвердительно произнес Хозяин. – Курганник снова игру затеял. Мало ему. Ну что ж, сыграем.

Он снова вывернул шею, в проломе крыши силясь разглядеть солнце. И замер, не дыша. Пришлось замереть и Брунмиги. Лишь соболя пересвистывались, обсуждая новость.

– Иди, – произнес Хозяин. – Оседлай зверя. Разговаривать будем.

Брунмиги опрометью кинулся из дома. Не любил он бывать внутри – чадно там, ледяно. И чучела в обывдевших шкурах хранят покой тысячи одного котла, под которыми горят тысяча и один костер. И все – зеленого, мертвого огня. Мечется неистово варево в котлах, брызжет ядовитой слюною, корчится в муках и, доходя до края, дымом становится. А когда выгорает в котле все до капельки, Хозяин новую порцию варева кидает, которое тогда и не варево еще, но то, о чем Брунмиги и думать мерзостно.

Нет, нет, людей ему ни капельки не жаль, но... реки-то травятся. И лес. И все иное, чего к людям отношения не имеет.

От Хозяина эти свои мысли Брунмиги берег.

В миг, когда круглая луна выползла на небо, ворота вновь открылись. Вылетел из них белый медведь в красном чепраке, в золоченой сбруе. Тяжелым галопом пошел он по-над землей, и поземка полетела из-под лап, следы затирая.

Вылетел медведь на холм и остановился. Долго топтался он у плоского камня, взрыкивая и встряхивая треугольной головой, но потом все же улегся.

Всадник сошел на землю и, увязнув, поднял руки, показывая пустые ладони.

– Не спеши воевать, Курганник. Разговаривать будем.

– Так вроде не о чем нам с тобой говорить, Варг Безымянный, – но Курганник все же выполз из норы на треть. Устроившись в центре камня, перед самой медвежьей мордой, он достал из складок тела куриное яйцо и уколом когтя пробил рыжую скорлупу. – Ты же сам от нас отрекся. Или передумал?

– Нет.

– Тогда к чему все? Мальчишку ты не получишь.

– Он уже мой. Всегда был моим. И ты это знаешь. Ты вор, Хаугкаль.

– А ты – убийца. И что теперь?

– Я не хотел его убивать.

– Да ну?

Варг вытащил бубен из складок плаща. Сухие пальцы коснулись кожи, порождая звук глухой, тягучий, не то стон, не то крик.

– Я много думал с последней нашей... неудачи, – Варговы слова мешались с песней бубна. И рисованные красным фигурки плясали, грозя спрыгнуть с оленьей шкуры. – У нас... у вас ничего не выйдет. И стоит ли пытаться? Мучить их. Себя. Чего ради? Ты назвал меня убийцей. Но вы – хуже. Смерть – это милосердие.

– Мне вот что интересно, ты его жалеешь или себя? – поинтересовался Курганник.

Бубен уже не гудел – плакал в руках Варга, вертелся, желая вырваться, выскользнуть, полететь с горы прочь от хозяина.

– А ты сам? Ты же не о людях беспокоишься. Тебе на людей плевать. И на мальчишку тоже. Так в чем же дело? Дай, угадаю? Вы решили попробовать снова? – Варг двигался по кругу, не отдаляясь и не приближаясь к Курганнику. Земля хватала за ноги, но пока мягко, играючи. – Мало вам неудач? Мало...

Дрожали рисованные звезды, а с ними и древо миров, и сами миры со всеми существами, чья пляска теперь отдавала безумием. И падал с белой шкуры снег, а новорожденный ветер подхватывал его, разнося окрест.

– Мертв Ниффльхейм. Льды покрыли русло Хвергельмира. Двенадцать потоков еще поят снега, но скоро иссякнут и они. Тебе ли не знать, Предвечный?

– Мне знать, – тонкий и острый, как шило, язык Курганника мелькал с непостижимой скоростью, вытягивая из яйца белок. – И потому говорю – смирись. У каждого своя дорога. Так иди же. Или хотя бы утихни, и тогда я забуду, что видел тебя здесь, марин приемыш.

Разломив яйцо пополам, Хаугкаль выкатил желтый шар прямо в глотку и смачно зачавкал.

– А может, это тебе отступить следует, Предвечный? – Варг легко пересек незримую черту, и камень под его ногой подернулся инеем. – Подумать хорошенько...

– Над чем?

– Над тем, не поиздержался ли ты силенками.

– На тебя хватит.

– Ой ли... слаба земля стала. Больна. Отравлена, а то и вовсе мертвая. А ну как позовешь ее, а она не услышит? Что делать будешь? Может, не воевать тебе надобно, а прятаться? Сидеть смирно в кургане своем да хранить то последнее, что еще жизнь дает? Тогда, глядишь, и не заметят, и не отберут...

Он вырвал скорлупу из лапы Курганника и раздавил. Сквозь пальцы посыпалась та же ледянистая труха. И бубен закричал, вынуждая сосны кланяться, выкручивая ветви, ломая стволы. Земля покрывалась грязевыми нарывами. Трескалась. Молила о пощаде.

– Тебя мне бояться, младшенький?

– А хоть бы и меня.

Зашипели, закивали соболю головы:

– Ты старый... старый...

– Такой старый, что и не упомянуть уже, – согласился Варг с соболями, слизывая труху с пальцев.

– Врешь, Безымянный. Врешь, Беззаконный. Ой и врешь. Помнишь. А то и я напомню.

Когтистые пальцы сомкнулись на запястье Варга, дернули в жирную землю. И выпал бубен из онемевших пальцев, а рот, готовый изречь не то заклятье, не то крик, залепило грязью. Потекла она по трахее, разлилась по бронхам, забила сырой глиной легкие и оттуда уже отравила жизнью каждую клетку.

Горел Варг. Кричал. Но крепкие сосновые корни оплели руки и ноги, сковали грудь и проросли внутрь, в землю. С соком древесным память входила в немертвое тело.

И была она горька.

Видел Варг, как плясала простоволосая женщина на прибрежных камнях, море кляла и ветры звала. Ласкали ее ледяные руки, и она отзывалась на ласку хрипом. Беспамятной, замерзшей до синевы нашли ее. Женщина плакала, клялась, что видела бога.

Не верили: не было в тех землях богов, одни лишь волки.

– Волчья невеста, – шептали ей в спину. И мальчишки кидались сухим козым навозом.

А она улыбалась лишь: верила памяти.

Видел Варг и то, как появился он на свет в грозовую ночь. Как взяла его повитуха на руки и поднесла к огню, как упал и отполз огонь, страшась младенца.

– Беда будет, – сказала ведьма лесная. – Волчье дитя.

Была беда. Пришла с весною лютой, мокрой. Гнили снега под слабым солнцем, поили скудно реки, не отпускали землю, а то и, вдруг опомнившись, сковывали снежными панцирями.

Голод шел. Пританцовывал. Тряс дырявыми шкурами, костями звенел, дань собирая.

Были волки, кружась у деревни.

Были люди, людей теряя. И страх позабыв, рубили мертвецов и трэлей-рабов, кидали в котлы, наестся силясь. Не наедались, только безумели.

Тогда-то и вынесли его к старому молнией меченому валуну, уже помнящего, уже понимающего, но еще беспомощного. Бросили. Сбежали. Молились богам, но разве было тем дело до людей?

Да и какие боги на Волчьем камне?

Вот и на его крик откликнулась мара-сноходица. Пришла она, обняла туманом, приникла губами ледяными, высосала до донышка и страх, и боль, и все, чего было в нем. Убить бы могла, но не стала.

– Хорошенький какой, – сказала она, поднимая младенца. – Сладенький... тепленький... мой?

И когда клекочущей вороньей стаей другие пришли, Мара зарычала.

– Мой!

Стара она была, сильна, и отступила стая. А он, прильнув к груди, спал сладко. Мара растила его, туманом пробираясь в дома, вымучивая женщин и коров, принося сначала прогорклое злое молоко, а после и свежую кровь. И то, и другое казалось Варгу сладким...

Как снег.

Варг очнулся на вершине того самого холма. Он лежал на плаще из мертвых соболей и был бессилен, как никогда прежде. Но жив! Знание это наполнило его холодной злой радостью.

Силы вернутся.

– Ничего-то ты не понял, Варг-нойда, – сказал Курганник, который сидел тут же, на камне, словно бы ничего и не произошло.

Он вертел бубен, поворачивая то одной, то другой стороной, пробуя на прочность.

– Ну так объясни! Объясни мне! Ты же можешь... ты знаешь точно!

Но объяснять не желали. Кинули бубен к ногам, не то подарок, не то подачка. И дали совет:

– Отступись от мальчишки.

– Нет! – силы возвращались, прежнее спокойствие тоже.

Не отступит. Не даст над собою власти.

– Значит, воевать станешь? – Курганник зевнул. – И чего ради?

– Ради себя. Для начала.

Варг запрыгнул на медведя и свистнул так, что сосны покачнулись.

– Ну повоюй. Авось, полегчает, – тихо сказал Курганник.

Второе яйцо он проглотил целиком и заурчал, довольный, сытый. Прислушавшись к ночи – подходящая стояла – Курганник повернулся вокруг себя и трижды хлопнул в ладоши.

На самой окраине города земля треснула, раскрылась, будто старая рана, и выплеснула не гной, но рыжую грязь, перемешанную с детскими костями.

Глава 6. Взрослый разговор

Спал доктор Вершинин беспокойно. Ему давно не случалось видеть снов, а теперь не просто видел – жил во сне, только не собой, а тем самым главврачом в старомодном халате с завязками на спине. Он шел по коридору больницы, дышал камфорой, формалином и венгерской сиренью, лиловые кисти которой заглядывали в раскрытые окна палат.

Было жарко. Беспокойно.

– Доктор... – на пути вдруг возникла дама. В наряде с широкой юбкой, она походила на куклу, которую бабушка Вершинина усаживала на заварочный чайник. И лицо у дамы было кукольное, фарфоровое, с неестественно розовыми щеками.

А вот круглые очки на этом лице смотрелись нелепо.

– Он ведь поправится? Он поправится?

Дама терзала белый платочек и все спрашивала и спрашивала. Вершинин понятия не имел, о чем она спрашивает, но ответил:

– Все в руках Божьих.

Как только сказал, так сразу очутился в крохотной комнатухе с белыми стенами и круглым окном. Свет, в него проникающий, падал аккурат на крест, прибитый над кроватью. Он гляделся несуразно огромным и даже пугающим. Но Вершинина занимало не распятое, а больной.

Мальчишка. Лет четырнадцать. Голова перебинтовано. Черепно-мозговая травма? Иных повреждений нет – Вершинин знает это совершенно точно. Разве что шрам под левой ключицей, такой занятный шрам... такой знакомый шрам... Вершинин наклонился, чтобы приглядеться к этому шраму, но выпал из сна.

В другой сон.

Здесь снова была больница, рыжая восточная стена, которая, правда, выходила не на автостоянку, а на кладбище. Шел дождь, но небо оставалось ясным. Вершинин стоял, запрокинув голову, и глотал капли, соленые, как слезы. Плакали монашки, громко, навзрыдно.

Крестились.

Крестов на кладбище целый лес, вырастают из земляных холмиков, блестят нарядно.

Пусть их.

– Господи спаси... господи спаси...

Карлик в черной кожанке прячется под дамским зонтом. Зонт ярко-зеленый, как кладбищенская трава.

– Я тебя видел, – говорит Вершинин карлику. – Ты клоун. Из цирка.

Карлик скалится и стреляет из огромного нелепого нагана.

Вершинин просыпается. Он сидит в кровати и дышит, сипло, продавливая воздух сквозь сцепленные зубы. Руки дрожат, а волосы мокрые, как будто он и вправду из дождя вынырнул.

– Приснилось, – Вершинин засмеялся, до того радостно ему было, что все виденное – лишь сон. – Бывают же такие сны!

Рыжий Аспирин, устроившийся на соседней подушке, заурчал: если ему и снились сны, то явно не кошмары.

А у подъезда доктора Вершинина встречали. На газоне дремал белоснежный «Хаммер», а все тот же карлик, на сей раз выряженный в белую ливрею и цилиндр с желтыми пуговицами, старательно полировал серебряного медведя на капоте.

– Здравствуйте, доктор, – сказал он, пряча тряпочку в рукав. – Позвольте вас прокатить?

– Спасибо, не надо.

– Да постоитте, доктор! Куда вы так спешите! – Карлик перегородил дорогу, вынуждая остановиться.

– Кто вы и что вам надо?

– Друг! Поверьте, Брунмиги – ваш самый искренний друг! Такой, который желает добра и только добра!

Улыбка у него была омерзительная.

– Извините, но я не имею желаний...

– Садитесь в машину, доктор. Не злите Хозяина, – карлик засмеялся дребезжащим бубенцовым смехом. – Вы же теперь знаете, чего бывает, когда Хозяин злится?

Брунмиги вытащил из белого кармана ливреи неестественно огромный наган, который в карман же спрятал.

– Садись.

Он с обезьяньей ловкостью открыл дверцу машины и впихнул Вершинина внутрь.

В салоне стоял зверский холод.

– Потерпите, доктор, – сказал человек в белой соболиной шубе, украшенной головами зверьков. – Это у вас с непривычки.

И Вершинину показалось, что соболя закивали.

– Могу я поинтересоваться, кто вы такой?

– Доброжелатель, – ответил человек. Он был не стар и не молод. Да и само лицо его отличалось какой-то совершеннейшей невыразительностью. Вершинин пытался разглядеть, запомнить, но у него не выходило, как будто бы лицо это, слепленное из тумана, постоянно менялось.

– Если вам необходимо имя, то называйте меня Варгом. А вот что мне от вас надо... Скажите, доктор, вы верите?

– В бога?

– В бога. В богов. Во вселенский разум. В высшие силы. В деньги. В удачу. В свободу слова или демократию. В бессмысленность жизни. Во что-нибудь, но только искренне.

– Я... не знаю.

– Жаль. Но у вас еще будет время поразмыслить.

– Да какое вам, собственно говоря, дело?

– Никакого. Хотя... глобальный интерес к вопросам веры. И частный – к вам. Я хочу побеседовать с вами о перспективах, – Варг и говорил-то тихо, почти шепотом, но несмотря на рокот мотора, Вершинин слышал каждое слово. – О ваших перспективах, доктор Вершинин. Вы ведь сами думали о них, верно? Вы хороший врач. Очень хороший.

– Благодарю за комплемент.

Холод пробирал до костей. Шершавый язык его вылизывал кожу, стесывая до мышц, а там и до костей добираясь.

– И вот вы, хороший врач, по недосмотру судьбы застряли в никчемной больничке, которая если и держится на плаву, то сугубо благодаря вашим стараниям.

– Неужели?

– Именно. Вы выбиваете финансирование. Вы ищете спонсоров. Вы бьетесь, чтобы все это заведение работало, как следует, – легкие как снежинки слова слипались в сугробы обстоятельств. – Вы не виноваты, что усилия ваши не приносят результата. Больница обречена. Она устарела. Она... дань истории, не более. И вы сами рискуете стать таким вот анахронизмом, существующим лишь по чужой милости. Не думали об этом, а Борис Никодимыч?

– Не думал.

– А зря. Но у меня есть вариант. Вот, – в льдисто-прозрачных пальцах появился прямоугольник. – Частный медицинский центр «Здравушка». Пост заведующего отделением хирургии. Для начала. Полгода и ваш организаторский талант оценят по достоинству. Пост директора и пакет акций позволят вам наладить жизнь не только свою, но и вашей бедной сестры.

Ей мало тех денег, которые вы отправляете, а совесть не позволяет вам брать больше. Другой бы взял. Но вы – честны. И это тоже станут ценить...

Прямоугольник жег руки холодом.

– Решайтесь, Борис Никодимыч, решайтесь, – Варг улыбался, демонстрируя зубы – белые треугольники, приклеившиеся к бесцветным деснам. Разве у людей бывают подобные зубы?

– А взамен что?

– Сущая мелочь. Безымянный мальчишка из третьей палаты... тот, которого с улицы привезли. И которого у вас получилось вытянуть. Почти получилось. Вы ведь и вправду хороший врач.

– Хотите, чтобы я убил его? – Вершинин попытался вернуть визитку, но та примерзла к пальцам.

– Чтобы вы его отпустили.

Недолгая пауза, ровно на то, чтобы вдохнуть и выдохнуть.

– Вам ли не знать, Борис Никодимыч, чем чреваты подобные травмы. Вы ждете, что мальчик очнется? Возможно. А дальше? Вы научите его дышать без аппарата ИВЛ? Двигать пальцами рук. При некоторой толике везения – и самими руками. Говорить. Слышать через аппарат. Видеть. Если, конечно, повреждения мозга позволят ему понимать, что он видит и слышит. Вы держите это несчастное дитя на привязи вашего безумного гуманизма. Но есть ли в нем какой-нибудь смысл? Скажите, вы готовы нести за него ответственность до самого конца вашей жизни? Что молчите, Борис Никодимыч?

Потому что нечего сказать. И Варг продолжает:

– Это не будет убийством. Нужно лишь смириться с очевидным. Вам не спасти всех.

– Но я постараюсь, – решение созрело моментально и было алогично.

Кому нужен этот мальчишка? Никому. Тогда чего ради? И собственный вопрос Вершинина тут же озвучивают:

– Упрямитесь? Чего ради?

– Ради себя.

– Что ж, достойно. И как ни странно – понимаю. Но Борис Никодимыч, все, что будет происходить дальше – с вами ли, с больницей – последствия вашего решения. Надеюсь, вы не станете в нем раскаиваться.

– Угрожаете?

Вершинин не боится угроз, во всяком случае, ему кажется, что страха в нем нет. Только холод.

У него нет собольей шубы. И не будет, как не будет поста заведующего отделением хирургии – уж не пластической ли? – в тихой заводи «Здравушки». И зарплаты. И перспектив. И наверное, ничего, кроме собственного упрямства и смутного ощущения, что упрямство это – единственно верный выбор.

– Отнюдь. Лишь обрисовываю перспективу.

Рокот мотора стих, и машина остановилась.

– До свидания, – сказал Варг, кланяясь. – Было приятно побеседовать. Удачного вам дня.

Вершинина высадили на автобусной остановке, и он долго стоял, пытаясь согреться. Солнце плавало асфальт, но холод все равно не отпускал Вершинина. А когда отпустил, Борис Никодимыч почувствовал себя совершенно обессиленным. Полсотни метров от остановки до больницы он едва-едва прошел. Но стоило переступить порог кабинета, как усталость чудесным образом исчезла.

Аж дышать легче стало.

Вершинин и дышал, растапливая лед в груди.

И вправду, чего он испугался? Человека, лица которого не помнил? Неясных угроз? Да угрожали ему всякие и по-всякому. Ничего, и Вершинин живой, и больница работает. И будет работать – уж он позаботится.

– Борис Никодимыч! Борис Никодимыч! – в кабинет заглянула старшая медсестра, которую больные величали Анной Федоровной, а коллеги – Анюткой – Вы слышали? Слышали? К нам едет ревизор!

Глава 7. Пиво для Короля

На том месте, где стоял завод «Северная марка», некогда были болота. Просуществовали они до пятидесятых. И скованные цепями мелиоративных каналов, болота умирали долго. Исчезли крохотные озерца и дикие омуты. Железные клычья плугов подняли моховые залежи, обнажив жирную торфяную плоть. И голодное солнце, памятуя о прежних своих неудачах, жгло яро, пуская пожар за пожаром, расчищая дорогу городу.

Он же шел, вытягивая неторопливые жилы дорог, прорастая бетонными домами и глухими трубами, в которые ныне уходили питающие осенние дожди.

Завод возник сразу, еще до дорог и домов, просто словно бы вырос однажды, окруженный белым забором, по которому вилась надпись: «Мир! Труд! Май!»

После надпись сменялась, хотя забор оставался прежним, не старея, но и не молодея.

К заводу привыкли, и дома нового района проглотили его точно также, как некогда само болото глотало людей. Впрочем, о болоте теперь если и вспоминали, то лишь по осени и весне, когда вода подтапливала подвалы.

Белый «Хаммер» остановился перед шлагбаумом, тенью которого на земле лежала широкая бурая полоса. Варг выбрался из машины и, пригладив вялых еще соболей, крикнул громко: – Тетушка Мосса! Принимай гостей!

Шлагбаум тотчас поднялся, а линия истончилась.

Тетушка Моссакеринген правила заводом крепкою хозяйскою рукой, хоть и росточком была в два с половиной альна, а весу и вовсе смехотворного. Платье ее, перехваченное девичьим пояском, заламывалось грубыми складками. Из складок торчали широкие веслообразные ладони и длинные тонкие ноги в деревянных башмаках. Мутными стекляшками сидели в волосах ягоды клюквы. Время от времени ягоды падали, катились по полу, чтобы исчезнуть в щелях на радость многочисленным мышам.

– Здорова ли ты, тетушка Мосса? Хорошо ли ходит пиво в твоих бочках? – спросил Варг, кланяясь уважительно, низко. – Зелен ли мох в твоём болоте? Горек ли дурман? Крепка ли белена?

Моссакеринген, ничего не ответив, поманила Варга за собой.

Путь их лежал под крытые цеха, в которых ходила живая хлебная брага и сновали люди обыкновенные, разве что примороченные слегка. Старая лестница с проржавелыми перилами, нырнула под плиты фундамента и еще ниже, туда, где начинались истинные пивоварни Моховой старухи.

Стены их, убранные нарядными разноцветными мхами, слабо светились. На узких полках теснились склянки, с потолка свисали пучки сухих трав и птичьих перьев. В дальнем углу, окруженный черепами, сидел человек в строгом черном костюме. В руках его был турий рог в серебряной оковке, а на голове – старый треснувший шлем. У самых ног его проложили тропу жуки-мертвяники. Бесконечной чередой волокли они с ближайшего кладбища кости, а криворукие финские ведьмы кидали их в костер, вместо заклятья начитывая старинный рецепт особого пива:

*– Пенье птицы,
лунный свет,
крик лисицы,
лотик-цвет,
южный ветер...*

Пламя лизало бока огромных котлов, в которых бурлило темное варево. Белый пар поднимался над ним, просачивался сквозь стены и туманами гулял по бывшему болоту.

*...цвет зари,
хвост пиявки,
хрюк свиньи,
почку ивы,
блеск звезды,
желтизну от череды...*

Тетушка Моссакеринген шмыгнула носом и хрипло сказала:

– Вон пошли.

Сгнули жуки, исчезли ведьмы, втянувшись в зыбкие стены пивоварни. Лишь *припоенный* человек не шелохнулся, но он уже и не человек, так, оболочка одна.

– Ко мне Курганник сегодня заявился. Упреждал. Говорил, что, дескать, плохо мне будет, если тебе помогать стану.

Зеленые сполохи мертвого огня стирали морщины со старушачьего лица, делая его еще более жутким.

– Обсмелел без меры, – сказала старуха и плюнула в варево, которое тотчас почернело, загустело, в крепости прибавляя. – Позабыл, что мое пиво некогда к столу Лесного короля возили! И сама Рейса-Рова не брезговала всадников к моим пивоварням вести!

– Славное было время.

Варг сел на скамеечку из цельной старой коряги, которая, цепляясь сухими корнями за камень, поползла к огню:

– Славное. Было.

В руках тетушка Моссакеринген появилась плоская ложка на длинном костяном черенке. Ложка нырнула в брашно, выбивая целые клубы белого дыма и терпкий хлебный аромат. Варг дышал им, втягивая и ртом, и носом, оживая с каждым вдохом. Соболя и те зашевелились, задергали пустыми лапами, завияли по-собачьи хвостами.

– И теперь не хуже, – сказал Варг. – Разве плохо тебе живется, тетушка Мосса? По-прежнему варишь ты свое пиво. Люди-то знающие ценят его. И ценят тебя.

– Так-то оно так, да только... – тетушка Моссакеринген подцепила и выволокла волосяной колтун, в котором запутались зеленые шишечки хмеля и вываренные ягоды белены. – Только с каждым годом оно тяжелей. Ты спрашивал, как пиво мое ходит? Плохо, марин сын. Плохо! Нет в нем горечи, нет в нем сладости. Не отравя, не спасение. Не тепло, но и не холод. Так, жижа в бочке. А я все шепчу ему, нашептываю, как шептала многие годы, да слова мои теперь бессильны. Что на это скажешь?

Она сердито шлепнула по раскаленному боку котла.

– Но ведь держит? – Варг указал на сидящего в углу человека, что неотрывно пялился в рог.

– А... эт как его... рейдер! Поглотить меня думал. Волчья сыть, гнилой человек. Разве много такому надо?

– Гнилой, значит?

Варг поднялся.

– И пиво не ходит... плохо это, когда у моссакеринген пиво не ходит. Всем плохо. Короли недовольны будут, пусть и не лесные.

Он поднял человека за горло и потрянул так, что кости зазвенели.

– И моя задумка не получится.

Полупрозрачные пальцы сжали ягодину кадыка и рванули. Красная струя хлынула в котлы и на пламя, которое присело, рассерженно шипя. Но вскорости шипение сменилось гневливым треском.

– Ешь! Пей! Бери!

Пальцы Варга вычерчивали кровавые руны, запечатывая воздух.

– Этого человека отдаю тебе.

И огонь, коснувшись лица, выпил дыхание жертвы.

– Алой пены волны

Лью из зуба зубра.

Тетушка Моссакеринген закрыла глаза и прижалась к стене.

– Ведать будут верно

Хеймхелля крылы...

Жадные зеленые рты глотали капли. Наливались белизной бока котлов, задыхалось темное королевское пиво.

– Слово станет крепко

Колоды озерелий.

Он отшвырнул опустевшее тело и трясущейся рукой вытер пот со лба.

– Теперь все будет хорошо, тетушка Мосса. Сварится твоё пиво. Крепко станет. Духмяно.

Налей, что ли кружечку?

Моховая старуха подчинилась, подала тяжелый рог. Горечью обожгло свежесваренное пиво, загудело в висках, вывернуло наизнанку, а после улеглось, упокоилось, точь-в-точь как огонь.

– Что ж молчишь, тетушка Мосса? Или жалеешь, что привечала меня? Ты скажи, я уйду.

– О содеянном пусть люди жалеют. Пустое это, – той же ложкой, которой мешала пиво, она откатила мертвяка в угол и забросала охапками сухого белого мха. – Сварил ты мне пиво... сварил... только чем такой вар отольется не думал-то? Кровь на кровь бежит.

– А и пусть бежит. Или тебе их жалко?

– Миропорядок...

– Нет миропорядка! Того, к которому ты привыкла, тетушка Мосса. Ты говоришь, кровь будет литься? А она и прежде лилась, поила асов досыта. Но где теперь асы? Ушли. И этот, с крестом который. А кровь-то осталась. Вот она, рядом ходит, живая, дурная, бери сколько надо! Пей от горла! А вы по привычке над каждой каплей трясетесь. На золотой жиле сидите и медную крошку считаете. Не жалей чужой крови, тетушка Мосса. Вари свое пиво. Пой сильных. Бери слабых. Живи, как живется! И главное, верь, что правильно живешь.

Заверещали тонкими голосочками соболя, и стекляшки глаз окрасились яркой зеленью.

– И я жить стану, если не помешают.

– Мальчишка-то тебе зачем? – Моссакеринген хлопнуло по стене, и та раскрылась жадными глотками бочек. Дубовые доски в ободьях гримовых волос почернели от старости, но держали жирное черное, как сам торф, болотное пиво. – Или из бахвальства пустого?

– Я... думал все переменить. Устал биться головой о стену. Вот где мне все сидит, – Варг коснулся ребром ладони горла. – Они играют, а мне – убирать. Хватит.

– Курганник знает?

– Я ему говорил. А он не слышит. Молчи, тетушка Мосса. Я знаю ответ. И потому, раз уж выпало нам ним сыграть на чужих костях, то буду играть. И не гляди на меня с укором. Лучше дай бочонок королевского пива, коль не жалко. А коль жалко, то хотя бы мертвяка отдай.

– Забирай, – сказала моховая старуха, выкатив самую большую бочку. – Кого хоть угощать станешь?

– Дикую охоту.

Но мертвяка Варг тоже забрал: в хозяйстве сгодится.

Глава 8. Дети Асгардсрейи

Семен Семенович Баринов объявился в клинике одновременно с ревизором. Они и в дверях столкнулись, смерив друг друга раздраженными взглядами.

– Извините, – буркнул Баринов, поведя плечом, и протиснулся в дверь. А за ним протиснулись и широкоплечие молодцы в форме охранного агентства «Вотан».

Ревизор ничего не ответил, но поправил кругленькие очки в кривой оправе. Был он тщедушен и костляв, обряжен в черный костюм, широкие штанины которого прикрывали блестящие штиблеты. На груди пиджак оттопыривался, обрисовывая плоскую флягу, которую ревизор то и дело поглаживал.

– А я про вас многое слышал, – сказал он Вершинину и осторожно сдвинул руку пальцами.

Борис Никодимыч заметил, что ладонь у ревизора изнутри красная, обожженная.

– Билли Эйгр².

– Простите? – Вершинину показалось, что он ослышался.

– Билли Эйгр. Это мое имя. Одно из оставшихся, – ревизор растянул губы в улыбке. – Что ж, показывайте свое хозяйство.

Его длинный нос с вывернутыми ноздрями, из которых торчали венчики волос, дернулся, а рука непроизвольно тронула флягу.

– И с чего желаете начать? – спросил Вершинин.

– Пожалуй, с крыши. Если начинать, то сверху. Привычка, знаете ли сверху начинать. У вас ведь выход на чердак имеется?

К несчастью, выход имелся. Выбравшись на чердак, Билли Эйгр измерил его широкими шагами, с неприкрытым наслаждением прислушиваясь к скрипу досок. Щели в крыше, пусть и редкие, от взгляда его расползались, а сама крыша гремела и позвякивала. И ветер, как назло, поднялся. Злыми пальцами перебирал он листы шифера, сыпал ржавчиной, радуя ревизора.

– Непорядок... беспорядок... беспорядок... – повторял раз за разом Билли Эйгр. – Что ж у вас за беспорядок-то? Дом в аварийном состоянии.

Сверху грохнуло, заскрежетало и зацокало, словно там, снаружи, конь выплясывал.

– Я подавал заявку на ремонт, – позволил себе заметить доктор Вершинин, подвигаясь к лестнице.

А ревизор, который только что стоял возле древней печной трубы, что осталось еще от прошлой больницы, преградил дорогу, оскалился, и глаза за очками полыхнули красным.

– Сносить надо! Согласитесь?

– Ремонтировать.

Ветер завизжал разъяренным жеребцом.

Вершинин не понял, как и когда очутился в больничном коридоре. И куда пропали медсестры? А пациенты? Почему пусты палаты?

Снаружи ярилась буря. Пыльные шали ее заслонили окна, выдавливая стекла из фрамуг, просачиваясь в мельчайшие трещины, грозя разнести всё и вся. Метались в пыльном круговороте тени, забирая и без того скудный солнечный свет. Нервно вздрагивало освещение.

А если линию повредит?

Генератор есть. Генератор старый. Но выдержит. Должен. А проводка? Она постарше генератора будет.

– Беспорядок, беспорядок! – лепетал ревизор, вслушиваясь в голоса бури.

² Биллэйгр – *Bileygr* – Плоховидящий, Херблинди (*Herblind*, Слепой воин, Слепой хозяин), Твиблинди (*Tviblinði*, Двухслепой), Хельблинди (*Helblindi*, Смертельнослепой) – имена и воплощения Одина.

– Непорядок, Борис Никодимыч, – подтвердила светловолосая дама в черном же костюме. К лацкану пиджака присосался значок «Почетный донор». Вершинин видел паучьи лапки, вцепившиеся в ткань, и алое металлическое брюшко-картинку.

– В педиатрическом отделении совершеннейший беспорядок! Антисанитария.

– И нормы противопожарной безопасности не соблюдаются, – сказала вторая дама, почти точная копия первой. Различали их прически – у номера один конский хвост. У номера два – аккуратный узел.

И значок другой. «Ученый хранитель государственного эталона».

– С отчетностью и вообще беда, – проскрежетал древний дед, из подмышек которого вырастали подпорки кривых костылей. – Я только-только накладные проглядывать начал, а вас уже сажать можно. Что ж вы так неаккуратно, Борис Никодимович?

Доктор Вершинин смотрел на деда, на круглую его голову с белой волосистой паклей, на массивный нос и веки, вывернутые, словно бы пришитые к надбровным дугам. Из-под них сочились слезы, текли по старушечьим щекам и падали на белый воротник.

– Что ж вы так неаккуратно, Борис Никодимыч, – сказали обе дамы хором, – папу волнуете? У него, между прочим, сердце слабое! А у вас накладные не в порядке!

– И-извините!

– Ревизия... недостача... превышение полномочий... жалобы... жалобы имеются! Беспорядок!

Он вдруг понял, что беспомощен перед ними, бесчисленными, заполонившими больницу неуправляемой стаей. Они рвали древний дом, вколачивая в стены гвозди инструкций и положений, заполняя трубы жижей полупереваренных статей, пунктов, подпунктов... и дом тревился, слабел.

Надо что-то предпринять!

Стая кружится. Тычет вопросами. Сменяет лицо лицом. И вот уже не люди – всадники, намертво вросшие в седла. Их кони черны, и бархатные пасти, разодранные железными поводьями, заливают больничные коридоры кровью. В руках всадников – докрасна раскаленные хлысты. В глазах – пламя. И лишь седой старик по-прежнему слеп. А веки его и вправду пришиты, точнее приколоты к бровям костяными крюками.

– Сядешь ты, Вершинин, – говорит он с высоты седла, и звенят-перезваниваются стремена. – Ой, сядешь!

– Если не ляжешь, – хохочет стая, скалясь белоснежными зубами.

– Не перечь Варгу, Вершинин. Не перечь!

– Прочь! – старика вдруг заслоняет черноволосая женщина. Чешуйчатый хвост ее заканчивается змеиной пастью. Две иглы ядовитых зубов сочатся желтым ядом, который падает в чашу-череп. Радиоактивным бледным светом сияет на чаше министерская печать. – Все прочь!

– Матушка Рова! – взвыла стая. И тучей багряных нетопырей поднялись удостоверения, они хлопали псевдокожаными крыльями, стряхивая позолоту и чернила.

Женщина молчала.

Стая сдалась. Отползла на шаг.

– Кто ты? – только теперь к Вершинину вернулся голос.

– Рейса-Рова. Гурорисса. Та, которая водит Дикую охоту.

– Чего тебе надо?

– Твоего согласия. Твоей жизни. Твоей души. Выбирай.

– Уходи.

Она тронула бока коня, и черный жеребец подался вперед. Он придавил Вершинина к стене, оскалился и дыхнул жаркой вонью.

– Уходи, – повторил Вершинин, глядя на всадницу.

– Что? Не боишься меня?

Теперь Вершинин видел и трещины на конской шкуре, сквозь которые проглядывали розоватые мышцы и седые кости; слышал, как хрустит древняя подпруга, сдирая кожу, и как падают желтые капли яда, разбиваясь о костяную твердь.

– Уходи.

– Выпей, – сказала Рейса-Рова, протягивая череп. – Выпей, Вершинин.

Он принял чашу, удивляясь тому, что тяжела она без меры, будто отлита из серебра.

– Пей же! Не страшны дети Асгардсрейи тому, в ком нету страха!

Призрачный ветер заскулил, и прочие всадники подались прочь, шепча недовольно.

– Что делаешь ты? – спросил слепой старик. – Позабыла, зачем мы здесь?

– Нет, Хельблинди, Смертельнослепой, сам позабывший, кто он есть. Я помню! И тени асов не будут под варгом ходить. Пей! – она дернула поводья, поднимая жеребца на дыбы, и Вершинин сделал глоток.

Яд был горек, как слезы.

– Пей! Пей до дна! До дна!

Ее смех звенел, и свет, мигнув, погас. Темнота заполнилась хрипящими горячими телами, стуком копыт, воем собачьей охотничьей своры.

Вершинин пил, вливая горечь глоток за глотком.

Сейчас, наверное, он умрет.

– До дна! До дна! Пей же! Пей!

Точно умрет.

Пустая чаша покатилась по полу. А доктор Вершинин прилип к стене. Ему чудилось – сам дом держит его, но такого быть не могло, как не могло быть и лошадей в узком коридоре. Вновь вспыхнувший свет ослепил и заставил схватиться за сердце.

– С вами все хорошо? – заботливо осведомился ревизор, поддерживая Вершинина под локоть. – Вы бледно выглядите, Борис Никодимыч. Уж не приболели часом?

– Я?

– Вы, – ревизор поправил очки. – Полежите. Отдохните. Подумайте. Дело, конечно, ваше. Но Варг – существо упрямое. Не след с ним ссориться. Матушка-то не вернется, так он другого кого найдет... зачем воевать?

Билли Эйгр шел, оставляя на белой плитке характерные полукруглые следы, похожие на отпечатки конских копыт. Но Вершинин моргнул и следы исчезли.

– Что ж, до встречи... надеюсь, не скорой.

Сейчас обожженная ладонь была горяча. А ревизор, выйдя из здания, принялся к ветру.

– Погода сегодня хорошая...

Небо трещало, грозя бурей.

Тем же вечером доктор Вершинин обнаружит на плече новую родинку, в форме конской головы. Но это событие будет сущей мелочью по сравнению со всеми предыдущими.

Глава 9. Драугр

Варг слышал, как близится буря. Он вышел навстречу и встал в воротах дома: больше он не побежит ни от людей, ни от Дикой охоты.

Неслись собаки по-над землю, роняли пену кони, грызли железные удила. Визжали всадники, подхлестывая скакунов раскаленными хлыстами. И острые копыта выворачивали землю, рассекали камни.

Хрипели рога.

Варг перехватил ясеневую ветку с заледеневшими острыми листьями и замахнулся.

– Стой! – крикнул он, рассекая воздух.

И Асгардсрейя остановилась. Взметнулись юбки Рейса-Ровы, посыпалась парша с конской гривы, и вздрогнула земля, принимая тяжесть Охоты.

– Что скажешь мне, Рейса-Рова? – спросил Варг, усмехаясь. – Неужто и ты не порадуешь?

– Не порадую, – ответила Рейса-Рова.

– Что ж так? Твои псы утратили хватку? Кони повыходились? Или может, сама ты устала? Если так, то зайди в мой дом. Отдохни. Гостем будешь и ты, и дети твои. Ешьте досыта. Пейте допьяна. А потом идите и принесите мне его голову!

Всадники зароптали. Варг видел цепи ярости, протянутые сквозь их тела, связавшие души, объединившие в одно целое, имя которому – Асгардсрейя. Цепи эти тянулись к Извечному слепцу и волоокой Рейса-Рове, переплавляясь черной кровью в яд, которым наполнилась, но не наполнялась чаша. Поговаривали, что вместит она целое море. А может и вмещала, горечи людские бесчисленны. Тоской веяло от нее, и новорожденные туманы норовили подползти ближе, протянуть жадные лапы, зачерпнуть чудодейного зелья.

– Что молчишь, Рейса-Рова? – Варг упер ветку в землю, но земля оттолкнула то, что сама и родила. – Или не по вкусу тебе мое угощенье?

– Твое угощенье хорошо, Варг Безымянный, – Рейса-Рова подалась вперед, почти легла на конскую шею. – Вот только в словах твоих не было правды. Ты дал нам след. Но дичь – не та.

– И чем не та? Или вы, дети Дикой охоты, томте-ниссе испугались?

– Зачем ты дразнишь их? Ведь знаешь, что мы сами есть страх. А твой Вершинин – чист.

– Да какая теперь разница?!

Он позволил себе закричать, и цепи Асгардсрейи зашевелились, распались на звенья, поползли к нему, но замерли у черты.

– Какая разница теперь? – уже тише повторил Варг. – Прежние времена миновали. Учись жить наново. Не брезгуйте дичью.

Ропот всадников утих, стоило Рейса-Рове поднять руку.

– Мы есть прежние времена. И так было. И так будет.

– Гордость говорит?

– Правда говорит. Ты не слышишь.

Еще как слышит. Но разве поверит она, если рассказать?

– Ты – варг. Тот, кто вне закона.

Добыча по праву. Это она сказать желает? И это говорит, роняя слова, как змеиный хвост роняет капли яда. Горе тому, кто пригубит чашу Асгардсрейи. Не останется ему прежним. Смешается яд с кровью, выжжет душу, вымучит... но это – если душа имеется. А коль нету ее, то заполнит пустоту безумной яростью, выкует цепь да привяжет к цепям иным, обрехши во веки веков скакать по небу.

– Не бойся, Варг. Мы страшны лишь живым и мертвым. А ты не жив. Ты и не мертв, – Рейса-Рова переложила чашу в левую руку. – Тебя собственный страх надвое рассек.

– Зато теперь у меня не осталось страхов.

– Это ты так думаешь, – она вдруг улыбнулась ласково и, протянув руку, коснулась ветки. Позеленели листья, выстрелили белые корни, впиваясь в землю. И вот уже не ветка – молодой ясень качается на ветру.

– И пиво свое, Безымянный, или выпей, или вылей... а лучше вернись в Ниффльхейм. Сестрица примет тебя. Не вернешься? Что ж, тогда не взыщи, если кто из младшей стаи по следу твоему пойдет.

– И ты не взыщи, тетушка Рова, если кто из младшей стаи следом моим подавится.

Ветер взвыл, и Дикая охота исчезла. Только ясень остался, тонкий, с зеленой дикой кроной. Варг хотел было вывернуть треклятое дерево, да передумал: чего попусту силы тратить.

Скоро зима. Само умрет.

– ...все больше беспокойства у жителей Северо-Западного округа столицы вызывает история с останками, обнаруженными...

Впаянная в пористый песчаник панель держала картинку, лишь изредка искры пробежали по лицу дикторши, делая черты гротескными, уродливыми.

– ...тридцать два тела были извлечены...

– Хозяин, все готово, – сказал Брунмиги от порога.

– ...в настоящее время ведутся работы с целью установить личность...

По велению Варга панель увеличила лицо и выплеснула его на окружающий камень. Этому человеку шла гранитная серость и плотность. Черты тяжелые, особенно челюсти. Нижняя выдается, и губы человека заламываются в характерный бульдожий прикус.

Он не говорит, оставляя слова другим, но смотрит в камеру. Вызов?

– ...подростки в возрасте десяти-четырнадцати лет...

– Цепкий, – оценил челюсти Брунмиги. – Но можно его... ну того.

– Нет. Пусть себе бежит.

Не догонит. Пусть и ослаб Варг, но и в слабости он сильнее человека, хоть и меченного Дикой охотой. Нет уж, не стать Гончаку на след, не выйти к забору, не спуститься в подвал, на самое дно его, не видеть сердце йотуна, на слышать, как трещат стены и проседает свод на каждом ударе. Но держат, держат кости. Белые ребра – арками. Грудина – потолком. Бедренные кости – колонны. Суставы-капители плотно облеплены плесенью, светятся, разгоняя тьму. А из земли фаланги выпирают, каждая – с Варга высотой. На вершинах их – пузыри с болотными огоньками.

Но не на них Варг глядел, и не на кувшины с кровью, вдоль стен выстроившиеся, но на стол, на котором лежал давешний мертвец. Горло его было аккуратно зашито и замотано для надежности и красоты желтым шарфиком.

Расстегнутая рубашка обнажала изрисованный рунами торс. Цепи прочно держали мертвеца, хотя он пока не шевелился, лишь пялился в потолок пустыми глазами.

Варг возложил левую руку на лоб, а правую – на ребра. Нажал. Раздался сухой треск, и мертвец слабо дернулся.

*– Железные враны
врезались в раны,*

Выхватив из-за пояса нож, Варг воткнул его между четвертым и пятым ребрами, завершая рисунок.

*– Останки стали
в тарчах торчали.*

Он повернул клинок и надавил. Сухо треснула рукоять. Железо осталось внутри тела.

*– Твой грозный пыл
Врагов разил.*

Мертвец заерзал, пытаясь вывернуться. Из раскрытого рта донесся сип. Кости его начали расти, раздирая ткань костюма, мышцы вытянулись жгутами, а кожа переменила цвет, сделавшись блекло-синей, как трупные пятна.

*– Но слово стало
Сковало сталью.*

Варг вытянул руку и Брунмиги подал бумажный сверток, из которого на свет появилась окровавленная тряпка. Она накрыло лицо драугра, и жесткие руки колдуна принялись втирать ткань в кожу.

– Ищи... ищи... ищи...

Ткань расползлась под пальцами, драугр выли и рвался на цепях, и те трещали. Когда же цепи лопнули, то ледяные пальцы колдуна удержали *поднятного*. Толкнули на ложе, и распластавшийся драугр смирился перед силой.

– Накорми его, – велел он Брунмиги. – И завтра пойдете. Доберись до мальчишки прежде, чем он доберется до Хельхейм.

И задрав голову, Варг крикнул, хотя Рейса-Рова не могла его слышать:

– Эй, тетушка Рова! Поиграем? Посмотрим, чья гончая крепче след держит?!

Зазвенели золотые жилы гримовых волос, удерживая сердце великана, но не лопнули.

Часть 3. Земля, плодящая туманы

Глава 1. Советы и решения

Был черед Алекса следить за огнем. Он и следил, подкармливая живую зелень костями, и уже не испытывал ни брезгливости, ни страха. Устав сидеть, Алекс прошелся вдоль столов, поднял рог, в котором черной смолой застыло недопитое пиво, примерил шлем и меч – оба чересчур тяжелые, неудобные.

– Шшшурка... – прошелестело из угла. – Шшшурка... иди ссюда.

Сначала, конечно, Алексу показалось, что он ослышался, но Тень повторила.

– Ссюда. Тихо.

Она сидела в огромном кубке, украшенном алыми камнями, и рядилась в паутины.

– Ссдрасствуй, – сказала Тень и захихикала, когда Алекс меч выставил. В рукоять пришлось обеими руками вцепиться, да и то непомерная тяжесть клинка отзывалась болью в запястьях.

– Не геройсствуй... вредно для ссдоровья.

– Уходи!

– Тише! Тише, друг Шшшурка... я поговорить... поговорить... привет от папочки... ссспрошу: хочешь домой?

– Домой?

Нельзя верить теням. Но сейчас она мала, безобидна. Она похожа на мокрую галку. Крохотная голова, тяжелый клюв и блестящие глаза-пуговицы. У Алекса же клинок, пусть тяжелый и со щербинами, но против тени-галки сгодится.

– Домой, домой, – Тень говорила шепотом. – Подойди. Не бойсся... я ссслово дала. Я не трону. Я только поговорить... поговорить... пока Кошшшка занята.

– Она и вправду там? – Алекс попытался сунуть меч за пояс, а когда не вышло – положил на плечо. Если тень нападет, то... то ничего ему не сделает. Тени бесплотны.

– Это ты так думаешшшь... громко думаешшшь. Ссдесь надо тихо. Тихо-тихо. Вы в Хельхейм идете? Иди. Сссмотри. Ссслушай. Помогай.

– Кому?

– Ему, – Тень вытянула двупалую лапу и указала на Джека. Тот дернулся и заворочался во сне. – Ссслышит... тишшше, тишшше...

– Зачем мне ему помогать? – Алекс, конечно, уже не злился на этого идиота, но и помогать ему причин не видел.

– Ссатем, что он – Владелец, – Тень руку не убрала, но сунула в клюв и принялась обгрызать когти. Она отламывала по кусочку темноты, и рука становилась все меньше и меньше, а клюв – больше и больше. – Владелец Ниффльхейма. Не ссспеши... не ссспеши... Кошшшка ссстанет говорить, что на трон сссядет лишь досстойный. И ты сссахочешь. Ты досстойн. В тебе нет ссстраха... почти нет. Про наш сссекрет мы не ссскажем, правда?

Она все же дотянулась до Алекса и лизнула щеку горячим языком.

– Вкуссный...

– Я тебя больше не боюсь.

– Хорошо. Нельсся бояться в Ниффльхейме. Помни. Нельсся.

Тень разломилась пополам, но половины тотчас срослись, вылепляя уже не птицу – змею. Черное тело ее перекатывалось в кубке, и тускло поблескивали чешуи.

– Есссли хочешь вернуться – иди с Кошшшкой. Помогай Кошшшке. Сссделай так, чтобы он ссел на трон Хель.

– И тогда я вернусь? А...

– Ты. И девчонка.

– А с Джеком что будет?

– Останется. Всегда. Он станет владельцем всех земель... вод... существ. Он – их сердце. Их кровь. Их жизнь. И моя тоже.

С каждым словом змея уменьшалась. И вовсе она не страшная. Прежняя Тень была огромна, а эта... эту если не пальцем, то кулаком точно раздавишь.

– И твоя, Шшшурка, – сказала Тень со дна кубка. – Не сабывай... пока трон Хель пуст, ты не вернешься... никто не вернется...

Чернота загустела и стала камнем. Алекс даже потрогал, убеждаясь – камень как камень. Только тепловатый. И нету никаких теней. А можешь она и вовсе привиделась? Как знать?

Никак. И Алекс, подхватив два черепа, вернулся к костру. Он кинул головы в потухающее пламя, и то захрустело, зачавкало... Аллочка не любила, когда Алекс чавкает. А он нарочно чавкал, чтобы позлить.

Наверное, Аллочка расстроилась. Может даже, про диету забыла. Она всегда, когда расстраивается, сладкое ест. А потом опять расстраивается, и сладкое сменяется отварным сельдереем и капустой.

Капусту Алекс ненавидел, но сейчас съел бы.

Определенно съел бы.

Хоть что-нибудь. Живот скрутило, а рот слюной наполнился. И память услужливо подсказала – в рюкзаке должен быть шоколадный батончик. И даже два. Для себя. Для Крышкиной-Покрышкиной, которая все так же спит. Или, если она спит, с Джеком поделиться?

– Ни с кем не делись, – прошепел огонь, обвивая белый столб бедренной кости. – Сам... сам... ешь... ешь... иначе умрешь... далеко... далеко. Иди-иди. Ешь.

Пламя сжало петли, разрезая кость. Веером рассыпались искры. И тотчас погасли. Огонь был прав. Без еды – не выживешь. А если так, то... то еду следует побережь. И Алекс застегнул рюкзак: он потерпит. Он достаточно сильный, чтобы справиться с голодом.

Но терпеть оказалось сложно. Голод не отпускал. Напротив, он ожил, заворчался, полоснул живот резкой тягучей болью. И чем больше сидел Алекс, тем невыносимей была мысль о еде.

В конце концов, он возьмет одну шоколадку.

Только одну. Половинку! Третью! Всего-навсего маленький кусочек шоколада, чтобы урчание в животе затихло.

Но сначала спрячется... в дальний угол... под стол... туда, где не увидят, не учуют запаха еды, ведь сам Алекс явно слышал сладкий шоколадный аромат, доносившийся из рюкзака. Алекс отползал на четвереньках, крадучись, ступая осторожно и стыдясь собственной слабости.

Огонь прав – чтобы жить, надо есть. А без еды Алекс ослабеет. Зачем он нужен слабый?

Спрятавшись за выщербленным щитом, Алекс вытащил батончик. Он был твердым. Сладким до умопомрачения. Маслянистые орехи хрустели на зубах, и нуга не тянулась – раскалывалась, но Алекс грыз ее, слизывая с губ кусочки шоколада.

Он почти доел, когда щит со скрежетом откатился и сиплый голос насмешливо спросил:

– Нычкаришься?

– Да пошел ты! – Алекс торопливо затолкал в рот последний кусок и обертку лизнул – нельзя тратить ни крошки.

– Да ладно, я терпеть умею, – Джек стоял, сунув руки в карманы. Мелкий, он глядел сверху вниз и не собирался смеяться. – К голоду попривыкнуть надо. Сначала тяжело, потом... ну ничего так.

Он потянул носом, и Алекс испугался, что Джек унюхает второй, упрятанный на дно рюкзака батончик.

– Если бы у меня была нычка, я бы тоже спрятался, – сказал Джек и протянул руку.

– Я не такой как ты.

– Да невжель?

Руку Алекс принял. Встав, он оказался на полголовы выше Джека. И крепче.

– Ты жирный, – Джек нагло разглядывал Алекса. – И здоровый. У нас на свалке тоже один здоровый был. Но он помер почти сразу. С голодухи.

Он что, издевается? Алекс не здоровый, ну точнее у него кость широкая и тяжелая, как у отца. И он растет быстро. Поэтому и голодный, что растет. Если бы не рос, то... то был бы таким заморышем, как будущий владелец Ниффльхейма.

Если верить тени. Но Алекс пока не решил: поверит ли он тени.

– Но я не про то. Он зовет нас, – Джек наклонил голову и потерял ухом об острое плечо.

– Кто?

– Вёлунд. Говорит, чтоб пришли.

Никуда Алекс идти не собирался. Во-первых, нельзя Крышкину одну оставлять. Во-вторых, кошка запретила покидать Оленьи палаты. В-третьих, Алекс ничего не слышал, а значит, либо завали Джека, либо Джеку вообще примерещилось.

– Ты и я. Вот дверь, – сказал тот, указывая куда-то за спину Алекса. Алекс повернулся. Дверь и правда была, точнее появлялась трещиной на каменной стене. Трещина ползла, очерчивая прямоугольник, и стальной скобой выросла на нем ручка.

– Нам велено сидеть.

– Ну и сиди себе, – ответил Джек и дернул за ручку. Дверь открылась беззвучно. – Если боишься. Только вот страх убивает.

Глава 2. Вёлунд-кузнец

С каждым шагом голос, пробравшийся в сон Джека, становился громче. Этот голос походил на урчание старого экскаватора, который изредка появлялся на свалке и елозил по кучам, расковыривая слежавшиеся слои. Пару раз ковш выволакивал огромные блоки и древесные стволы, которые, впрочем, бросал тут же, заставляя наново тонуть в мусорных зыбях. А однажды машина сама провалилась и застряла. Мотор ее ревел, лапа с ковшом дергалась, а рабочий орал песни.

– Ты туда не вернешься, – сказал Вёлунд на языке, которого Джек не знал, но меж тем понимал распрекрасно.

– Почему это?

– Зачем тебе возвращаться? Что там есть?

– А что есть тут?

Джек шел, расставив руки. Обе упирались в железные стены, по которым вились узоры золотых и зеленых жил. От них исходило тусклое сияние.

– Эй! Погоди! Я с тобой!

Шаги Алекса заполнили узкую щель в межстенье, и на миг Джеку почудилось, что эта щель исчезнет, схлопнется, раздавив их, как букашек.

– Не ори! – сказал он.

И Алекс замолчал.

– Так скажи, чего ради тебе возвращаться? – продолжал допытываться повелитель альвов. – Неужто нравится тебе жить среди мусора? Быть отребьем? Обреченным? Неужто не хочешь иной судьбы?

– Какой?

– Спустись. Я расскажу.

– Я спускаюсь, – Джек обернулся – Алекс держался сзади, сжимая в правой руке тяжелую кость, а в левой – огромный кривоватый нож. Вот это правильно, плохо, что сам Джек про оружие не подумал. Хотя у него камень есть. Камень – тоже оружие.

– Тебе ничего не грозит здесь. Иди. Прямо. Затем налево.

Узкая нора вела меж стальных плит, которые то и дело разворачивались коридорами. Снот не соврала про лабиринт.

Она разозлится, когда узнает, что Джек в лабиринт полез...

Ну и плевать. Джек сам по себе.

– Правильно, – согласился Вёлунд. – Только так и можно выжить.

Проход сужался, стены из гладких становились бугристыми, а после и вовсе проклюнулись листьями клинков, острых и жадных. Над клинками на тончайших нитях висели глаза, вырезанные из желтых, синих и зеленых камней. Золотые ресницы подрагивали, а за скорлупой радужки перекатывалось пламя.

– Они не тронут тебя, – пообещал Вёлунд. – И того, кто идет за тобой. Если вы будете осторожны. Вы ведь будете осторожны? Если так, то вы доберетесь до двери.

Джек уже видел ее – обыкновенную, деревянную, с широкой полосой металла вместо ручки. И то, что находилось за дверью, звало Джека. Оно не разговаривало, более того, и вовсе не имело голоса, но присутствие его было столь же явным, как присутствие Вёлунда.

Не следует верить кузнецу.

Оно предупреждало? И пряталось тут же.

– Смелей, – сказал Вёлунд.

Он думает, что Джека заманил? Пускай. Сам виноват.

Дверь оказалась тяжелой, слишком тяжелой, чтобы сдвинуть с места. Джек не собирался просить о помощи – не умел, но просить и не пришлось: Алекс сам сказал:

– Дай я попробую.

Он вцепился в ручку и дернул. Дверь не поддавалась. Тогда Алекс уперся ногами в пол и, пыхтя, фыркая, потянул на себя. Заскрежетали петли.

– Помогай... – прошипел он, и Джек вцепился в металл. Он готов был выть – до того близкой, манящей была цель. И когда дверь поддавалась, приоткрылась на пару ладоней, Джек рванулся в прореху, позабыв обо всем.

– Стой! – Алекс протискивался в щель с трудом. – Да стой же ты! Это опасно!

Это чудесно. Велики были Оленьи палаты, но чертоги Вёлунда-кузнеца, повелителя альвов, были и вовсе необъятны. Уходили во мрак квадратные колонны, держали свод и сети с мраморными дельфинами, летучими рыбами и белокрылыми девами. Тусклый свет исходил от стен и клубился над коваными чашами, озаряя драгоценные гобелены и распахнутые сундуки. Марево плясало над горами золота, ласкало груды серебра, смотрелась в кровавые очи рубинов.

– Вот перстни числом шесть сотен и шесть, – зашелестел в голове голос Вёлунда. – Видишь тот, который отдельно лежит?

На черном блюде сверкает золотой искрой?

– Это Драупнир. Он каждую девятую ночь рождает восемь колец, себе подобных. Возьми его себе, Владелец Ниффльхейма, чтобы было чем одаривать воинов верных. А не хочешь его, бери другое. Вот рубаха, расшитая чешуей морских дев... вот гривна руссов витая, я снял ее с мертвого бога. Боги тоже умирают. Ты не знал?

– Мне не интересно, – Джек прошел мимо кубка, доверху заполненного синими и желтыми алмазами, но остановился у золотого кабана.

– О, ты видишь мастерство. Это Слидруг-танни, Золотая щетинка. Чудесный вебрь, сотворенный цвергами Броком и Синдри... они поспорили с Локи и выиграли спор. Но разве асы сдержали слово? Нельзя верить асам.

– Он как живой, – сказал Алекс и, осмелев, потрогал позолоченный клык.

– Он и есть живой. Просто спит, – теперь голос Вёлунда исходил отовсюду. – Десять капель крови и он проснется. Будет служить тебе, человек, как служил некогда Фрейру.

Алекс руку отдернул.

– Или может тебе больше по вкусу корабль? Вы идете в Хельхейм, но без корабля вам не дойти. Нет такого пловца, который сумел бы пересечь море. И нет такого корабля, который сравнился бы с Скидбландиром.

Корабль был до того крохотным, что умещался в шаре из зеленого стекла.

– Это изумруд, – смех Вёлунда потревожил стены синими сполохами. – Но пусть не смущают тебя размеры Скидбландира. Немного крови, и станет он огромным. Настолько огромным, насколько тебе надобно, Владелец Ниффльхейма. Любое количество воинов примет он. И пойдет по воде так быстро, как скажешь. А перестанет быть нужным, так и свернется, как сворачивается платок. Сам Ньерд признал, что нет корабля чудесней.

То, что и вправду требовалось Джеку, было поблизости, но затаилось.

– Ему просто крови хочется, – не слишком уверенно сказал Алекс. Он сунул нож за пояс и обеими руками сжимал кость.

Джек тоже нащупал камень, просто, на всякий случай.

Впрочем, он мог бы взять вон ту позолоченную штуку, которая напоминает ежа, насаженного на палку. Или тяжелый меч, вросший в обломок скалы. Или вообще все, что захочет.

– Не спеши уходить, маленький гость, – голос Вёлунда рокотал, заставляя тонкостенные кубки плясать. – Куда идти? Неужели мало чудес в моих чертогах? Есть и для тебя подарки.

Вот рог, который никогда не опустеет. Не любишь эль? Будет сладкой фризское вино. Или молоко... или что пожелаешь... бери. Угощайся.

– Спасибо. Воздержусь, – буркнул Алекс.

– Неужели? Не так давно ты был голоден. Я могу сделать так, что ты навсегда забудешь о голоде.

Джек шел на зов – чей? – и Алекс следовал по пятам. Но сейчас его присутствие – Джек, конечно, и сам бы управился – придавало решимости.

Повелитель альвов лежал в центре яшмового круга. Его покой стерегли шестирукие воины, сделанные из костей и железа, но были они бездвижны, как и сам Вёлунд. Крепко врос он в ложе из цельного опала, и седые волосы корнями уходили в пещеру.

– Подойди-ка, Владелец, – у кузнеца хватило сил повернуться к Джеку. – И ты, юный страж хлеба. Я вижу в сердце твоём страх.

Лицо Вёлунда скрывала маска. Или нет, само это лицо было маской, исполненной из тончайших пластин, расписанных алыми и желтыми узорами. Глазами Вёлунда служили сапфиры, а вылепленные из тонких кольчужных колец губы шевелились, как будто бы само железо говорило.

– Железо говорит, – уверил Вёлунд. – Оно поет под молотом. Оно кричит в огне. Оно шепчет в ледяной воде. Я выучил все его песни. И я могу тебе сделать новое сердце. Железное. Ты забудешь о страхе, о сомнениях, о боли. А новые глаза? Ты бы стал видеть людей такими, какие они есть. Все их помыслы, все устремления. Никто не посмел бы злоумышлять против тебя. Руки... посмотри на свои руки. Они слабы. Я сделаю другие. Крепко они будут держать хоть щит, хоть копье, хоть топор боевой...

– Такие, как у тебя?

– А чем плохи мои руки? Или мои ноги? Мои ноги отняли у меня, – теперь Вёлунд говорил тихо, жалостливо. – Как было мне оставаться калекой никчемным? Коварный Нидуд посмеялся над ясенем битвы. Но только железо скорбящие стоны слышало...

– Стой, – Алекс схватился за локоть, и Джек очнулся. Он стоял у самого ложа, и ложе это, высеченное из темной глыбины, было огромно, как и король альвов. Пальцы его – каждый толщиной с запястье Джека, – сжимали копье.

– Не бойся, Владелец Ниффльхейма. Не причиню я тебе вреда. Не тебе...

В руках Вёлунда копье выглядело невзрачным, как былинка с жестяным проржавевым навершием. Но именно оно позвало Джека.

– О да, у него есть голос, – согласился Вёлунд, и пальцы дрогнули, грозя раскрошить дерево. – И воля есть. Его зовут Гунгнир. Сотворенное сыновьями Ивальди, слушалось оно руки Всеотца. Летело к цели и пронзало ее навывлет, чтобы после вернуться. Теперь лежит, бессильно, как я...

– Ты отдашь его мне? – Джек прикоснулся к шершавому древку, и копье взвыло, рванулось из железных рук, но слишком слабо оно было.

– Да не слушай ты его! – крикнул Алекс.

– Конечно, отдам. Все здесь твое, Владелец. Бери!

Джек ухватился за копье и потянул к себе.

– Сильней! Сильней! Упрись ногами!

– Р-разожми! – Джек и на волос не сумел подвинуть копье. – Разожми руку!

– Когда б я мог... Разве не видишь, до чего я ослаб? Но если ты не побоишься дать крови...

– Лучше я тебе помогу, – сказал Алекс и, решившись, сунул дурацкую кость за пояс.

– Помоги, юный воин. Только крепче держи.

Алекс ухватился за древко и предложил:

– Давай на счет три...

– Три, – командовал Вёлунд и дернул рукой, стряхнув и Джека, и Алекса. Тот покатился по полу, шипя от боли и рассыпая ярко-красные нарядные капли. Они падали на камень и в камень же уходили.

Джек вскочил, но только лишь для того, чтобы увидеть, как поднимается Вёлунд.

Скрежетали суставы, распрямляясь, наливалась багрянцем броня, а по кованому лицу бежала рябь, будто бы железо становилось водой. И сапфировые глаза Вёлунда-кузнеца пылали ярко.

– Вот твое копье, Владелец. – пророкотал он, протягивая Гунгнир на раскрытой ладони. – Возьми его.

Глава 3. Мьёлльнир

Рука пульсировала. Мелко. Гадко. Сыпалась кровь, как ртуть из разбитого градусника. Капли скакали по полу и просачивались в камень. Алекс чувствовал ее, то, как течет она по трещинам прямо в жадные рты.

– Еще... еще. Еще!

Мелко звонко дрожали стены.

– Беги! – крикнул Джек. Сам он уже был на ногах, но не бежал, стоял столбом, глядел на металлическую громадину Вёлунда.

– Не спеши, Владелец, – сказал кузнец, опускаясь на одно колено. – Я держу слово. Я не трону твою кровь. Ты хотел копье? Вот оно. Бери. А взамен отдай мне его.

И вот тут Алекс понял: поздно бегать. Пробили яшму узкие подземные клинки, выстроились непреодолимой преградой. А за нею зашевелились, стряхивая остатки сна, шестирукие воины.

Они неуклюже дергались, цепляли друг друга, едва не опрокидывали, но держались. Звенело железо, железо рая. Стучали щиты от щиты. И движения воинов обретали утраченную гибкость.

– Его? – пальцы Джека почти коснулись копья. – Зачем?

– Чтобы жить. Чтобы служить тебе. Ты идешь в Хельхейм? Хорошо. Я дам тебе армию, способную пройти сквозь зубы Фенрира. И корабль, который понесет эту армию.

– И убьешь его?

Убьет, тут и гадать нечего. А спастись как? Никак. В круге не спрячешься, разве что за ложем Вёлунда. Дурацкая мысль. Но других у Алекса не было.

И медленно, стараясь не привлекать к себе внимания, Алекс попятился от ножей и шестируких, стараясь не выпускать из виду и Вёлунда. А тот продолжал уговаривать:

– Кто он тебе? Не друг, я вижу. Не враг. Попутчик случайный. Малая плата.

Кровь почти перестала идти. Порез на руке затянулся, схватился черной коркой, только поздно. Надо было Кошку слушать!

За опаловой глубиной не скрыться. Камень огромный, но гладкий. Ни трещины, чтобы забиться... ни лаза... ничего!

– Копье, – потребовал Джек.

– И ты отдашь того, кто пришел с тобой?

– Да.

Смешно было думать, что он иначе ответит. Он и Юльку бросил. И теперь вот Алекса... и вообще надо было его во сне придушить.

– Слово аса?

– Да.

Алекс слышал, как скрипят суставы. Видел, как медленно поворачивается Вёлунд. Собственное Алекса сердце остановилось, а руки стали холодными, просто ледяными. И они, неловкие, шарили по камню в поисках хоть чего-нибудь... и нашарили.

Вцепились. Потасили. Короткая неудобная рукоять рассекла свежую рану и высвободила кровепад.

– Ты храбрый воин, – сказал Вёлунд. – Не бегай от судьбы.

Он шел, переваливаясь с ноги на ногу, переставляя их с трудом, как если бы по-прежнему оставались ноги мертвыми, чужими. Шипы на ступнях со скрипом входили в камень, прогибались колени, и руки-молоты висели бездвижно. Лишь пальцы чуть подергивались.

– Не бегай, – повторил Вёлунд-кузнец.

Алекс мотнул головой, закусил губу, сдерживая слезы, и покрепче ухватил единственное свое оружие – невзрачного вида молот, рукоять которого стала липкой от крови и горячей.

Вёлунд подобрался к ложу. Обходить его не стал – оперся синеватой броненной пятерней о камень. Вторая рука, получив опору, поползла по опаловой глади.

На краба похожа. Пальцы-конечности, членистые, шустрые. Круглый панцирь ладони... По ней-то Алекс и ударил, сколько сил было.

Молот загудел, наливаясь чудовищной тяжестью, и впечатал металл в камень. Брызнула крошка и кольчужные кольца. Ложе Вёлунда расколосось на части.

Алекс же так удивился, что едва не выпустил оружие.

– Мьёлльнир неблагодарный, – заворчал Вёлунд, выдирая руку. А когда не вышло, то попросту снял запястье. – Но не поможет он...

Алекс пятился, размахивая молотом. Изрезанная рунами рукоять прилипла к ладони, жадно пила кровь, наполняя оружие злой силой.

Молот гудел от ярости. Желал бить, крошить, ломать... уничтожить.

– Тебе не удержать его, мальчик, – сказал Вёлунд, поворачиваясь. – Не стоит и пытаться.

Алекс и не стал: он достиг стены из клинков, за которой застыли шестирукие гиганты.

– Больно не будет.

Вцепившись в молот, Алекс нырнул под ноги Вёлунду и ударил, метя в шипастое колено. И колено загудело, разломилось трещиной. Но повелитель альвов устоял. Его же ответный удар опрокинул Алекса навзничь, покатил по полу, и яшма поспешила вырастить тысячу зубов, норовя проткнуть куртку, дотянуться до кожи и глубже, к самому сердцу.

– Джек!

– Он слово дал, – мягко возразил Вёлунд. – Отпусти молот. И тебе не будет больно.

Сдаваться Алекс не собирался.

Отец говорил, что надо до последнего биться, даже когда без шансов. Особенно, когда без шансов. Алекс не понимал. А теперь вдруг понял. И покрепче сжал горячую рукоять.

Молот ответил радостным воплем.

– Только подойди! – сказал Алекс. – Ударю.

Вёлунд шел. Не спеша. Прихрамывая. Зная, что теперь Алекс не побежит. Обрубком руки кузнец придерживал сердце, наверное, каменное или железное, холодное, безжалостное. И крепкое. Но не настолько крепкое, чтобы не пробило его чудесное копьё Гунгнир. Врезало оно металл, прошило камень, вышло из груди, как игла из тряпичной куклы, и вновь исчезло.

Из дыры хлынула не кровь – металл жидкий, кипящий. Он лился на яшму, шипя, опалая сам воздух, и застывал причудливыми потеками.

– Ты... ты слово дал... аса, – Вёлунд покачнулся.

– Я не знаю, кто такие асы.

Джек держал копьё уверенно.

– Боги, – зачем-то ответил Алекс, облизывая солено-сладкие губы.

– Ну... я не бог. Идем.

– Стойте, – Вёлунд упал на четвереньки, но еще жил. Железная кровь его застывала на камне, и трескалась яшма. – Вы... слушайте. Предсказание. Никто... не исполнит... того, что... желает. У трона столкнетесь... Однажды... Жизнь для одного... Смерть другому. Так быть. А теперь... идите.

Звенели подземные ножи, рассыпаясь на осколки. Падали воины, слабо шевеля руками, беспомощные, будто перевернутые на спину черепахи. Шелестело золото, и камни гасли, как будто жизнь уходила и из них тоже.

– Идем! – крикнул Джек, переступая через лежащих. На засыхающем металле остались отпечатки его ног. – Или ты тут остаться решил?

– Альвитр! – громкий шепот Вёлунда расчерчивал трещинами стены. Из щелей тянуло гнилью, и Алекса едва не стошнило от запаха. Надо идти. Надо бежать.

– Альвитр... я не слышу... крыльев твоих...

Бежать. Мимо сундуков с мертвыми сокровищами.

– Альвитр!

Мимо корабля, что тонул в изумрудных глубинах. Мимо золотого веоря, из глазниц которого текли потоки ржавчины.

В двери. И дальше по узкому коридору, по многим коридорам, обдирая локти о ржавые стены, падая и вскакивая, задыхаясь до рези в животе, но не выпуская короткой рукояти молота.

Мьёлльнир. Это имя. У вещей тоже бывают имена.

– Стой... я дальше... я больше... отдышаться, – Алекс понял, что не сделает и шагу.

Как ни странно, Джек остановился. Сам он дышал шумно, сипло, но держался так, как будто бы ничего-то и не случилось. Алекс прислушался. Тихо. Стены не сползались. Потолок не осыпался. И пол не грозился превратиться в разлом.

– Ты... ты же с самого начала знал, что убьешь его? – Алекс втянул нитку слюны. Пить хотелось. Сердце бешено колотилось в ребра, а живот узлом затягивало, как от голода, только хуже. – Ты же с самого начала знал?

– Нет.

Сволочь. Стоит, копыцео разглядывает.

– И ты просто взял и вот так меня отдал?

– Выменял.

Джек положил копые на плечо.

– Но потом же...

– Потом передумал. Идем. Здесь больше нельзя.

Передумал. Выменял. Как будто Алекс – вещь. И не раскаивается. Идет, ссутулившись, только острие копыя, ромбовидное, как гадючья голова, из-за плеча выглядывает. Следит за Алексом.

Нет уж, Алекс не дурак. Он не полезет в драку сейчас. Отец говорил, что напролом только безголовые лезут. У Алекса голова имеется. И сердце живое, которое копые Гунгнир пробьет с той же легкостью, с какой пробило каменное. Оно целится, готовое сорваться с хозяйского плеча, лишь приказ нужен. И тогда не спасет Алекса чудесный молот.

Пусть живет Владелец Ниффльхейма. Пусть сядет на трон Хель. Пусть станет хозяином всех земель, вод и существ, которые обитают на пустошах. Алекс постарается, чтобы так и было.

Тогда и предсказание Вёлунда-кузнеца сбудется.

– Извини, – Джек остановился перед дверью. – Наверное, по-другому надо было.

– Проехали, – ответил Алекс, поглаживая теплую рукоять молота. – Все ж нормально.

У него получилось улыбнуться, наверное, даже искренне. А дверь вывела на берег.

Медленно переваливались серые волны. Низкое небо прогибалось под тяжестью снежных шаров, теперь напоминающих осиные гнезда, и рои ос кружили, жаля лицо и руки.

Справа возвышался акулий плавник скалы и громадина Оленьих палат. Слева протянулось голое поле с белыми деревьями, чьи ветви шевелились, пытаясь поймать невидимый ветер.

На берегу же, на ковре из круглой ровной гальки, сидели Юлька и Кошка.

– Я же говорила, что вернутся, – Снот поднялась и потянулась, как будто бы в ином исходе дела ничуть не сомневалась. – Вер-р-рнулись... Здр-р-равствуйте. Гер-р-рои.

Глава 4. Охота

Сидя на камне, Грим играл. Нежно скользили пальцы-смычок по скрипке, тревожили струны, и плакала она, рассказывая о счастливой прошлой жизни. О том, как некогда золотая икринка запуталась в речной гриве да в ней пережила и осень, и зиму. Ранней весной, когда солнце пробилось сквозь ледяной панцирь и согрело воду, из икринки вылупился шустрый малек. Он жил, прячась в мягкой тине, ловил водяных жуков и сочных головастиков, прятался от хищных рыб и, перелиняв, сам на них охотился.

Его домом стал мост. И мост тот был не деревянным, а солидным, каменным строением, покоившимся на трех столбах. Столбы, вросшие в самое дно реки, Грим украсил зелеными сетями водорослей и круглыми ракушками. За мостом он вырыл глубокие рыбы ямы, а берега реки раскатал широкими песчаными пляжами. Вода на них была студена и прозрачна, лишь сердцеватам стыдливым позволял прорасти Грим, чтобы раз в году в равновесную ночь силой вытолкнуть их на поверхность, разукрасить лоскутное водяное одеяло истинным волшебством.

И шли за цветами юные девы, из дому сбегая, тенью проскальзывая мимо отца и братьев оружных. Кошачьей поступью кралась, босыми ножками колючие камни считали, долго маялись у кромки водяной. А после, сцепившись друг с дружкой руками дрожащими, ступали на знакомый берег.

Грим смотрел. Выбирал.

Ждал.

Все одно не удержаться им в хороводе, как не удержаться жемчужному ожерелью на гнилой нити. Рассыплются, разбегутся, каждая за своим цветочком, за надеждой на любовь взаимную, долгую, счастливую, такую, которую лишь собственными руками взять можно. Перекликаться станут красавицы, и поплывут над рекой девичьи голоса, спрячут музыку.

Лишь одна услышит ее.

Каждый год по одной...

Порой случалось и больше. Сами шли, несли обиды, горечи, топили в омуте и сами топились. А порой, в скудные годы, и приводили, обычно рабынь, добытых в походе. Этих кидали в омуты и еще притапливали древками копий, опасаясь, что выплывет.

Не выплывали.

Всех ловил Грим в золотую сеть собственных волос. Опутывал, укутывал, шептал слова ласковые, пил слезы горючие, играл на скрипке, в дом свой на руках вносил. А был тот дом огромен. Брал он начало от опор и шел под дном водяными норами, кавернами и яминами, то ныряя под самое речное ложе, то выползая наверх, раскрываясь плесами.

Нету теперь дома. Нету жен, кровью живой драгоценных. Не расчешут волосы руки любимые, не уронят на ладони гребень из костей рыбьих сделанный, не обнимут. Некому больше целовать Грима, теплом и жизнью делиться. Развален мост. Ушла река. И Грима унесла в горькое море.

Холодно было тут. Одиноко.

Играл Грим, но лишь ветер да волны слушали музыку его.

Ласкало море косы, но не грело. Приводило устриц и рыб, но разве могли они насытить? Голод мучил Грима. Голод вновь и вновь приводил к берегу, томил ожиданием.

У самой воды ткань мира треснула и раскрылась. Из щели выпал карлик в деревянных ботинках и куртке из кожаных лоскутков. Половинкой желудя сидел на голове карлика старый шлем, лоснился жиром щит, но вместо меча висела на поясе фляга. А в руке держал он не копье, но повод из лунной паутины.

Существо, сидевшее на другом конце повода, заставило Грима содрогнуться.

Драугр! Отвратительнейшая из всех тварей. Рода человеческого с перетворенною душой, которую насильно в отравленное тело вернули да заперли, обрекши на мучения. Рвется душа, мечется драугр.

– Здравствуй, Грим, – осклабился карлик, дергая поводок. И драугр опустился на землю, смиренный, как пес. Лишь глаза его пылали яростно.

До Грима доносился сладковатый запах свежей мертвечины. Видать, не так давно подняли несчастного, оттого и спокоен он, оттого и слушает самонадеянного тролля, которому мнится, будто бы лунная цепь удержит драугра.

– Что молчишь? Аль не узнал старого друга?

– Не был ты мне никогда другом, Брунмиги, – ответил Грим, свивая волосы в косы. – Зачем явился? И зачем привел его?

Драугр царапал камень. Кривые желтые когти оставляли глубокие борозды, и мертвец улыбался.

– Затем, что так надо. Скажи, не встречал ли ты случайно человека? Мальчишку. Волосы темные, сам тощий, наглый. Подумай, Грим, – тролль снял с пояса флягу и откинул крышку. – Подскажешь – сочтемся.

Из серебра пахло сладкой, тягучей, свежей кровью. Запах этот дурманил, манил к берегу. Стоит ли противиться ему? Драугр все равно возьмет след... полетит. Догонит. Опрокинет наземь и будет рвать, рыча от боли и радости. Он выпьет детишек, и ничего-то не сделает Советница.

Предупредить?

– Не дури, Грим, – Брунмиги медленно наклонил флягу, и на краю вспухла багряная капля. Вот-вот упадет на землю, и земля проглотит, добирая жизни. – Ты что, и вправду веришь, что у вас получится? Что найдется дурак, который добровольно сядет на трон Хель? Отдаст свою душу этому миру? Тебе? Чтобы ты жил, играл на скрипочке своей, топил девок?

Капля летела. Бесконечно долго летела к земле, и Грим успел подхватить ее. Спас. Поднес к губам. Выпил, согревшись на долю мгновенья.

– Хочешь еще? – спросил Брунмиги. – Я дам тебе целый стакан крови. Или два.

Грим заплакал. Ему было холодно. Страшно. Одиноко. Его волосы тусклы, а скрипка безмолвна. Но разве спасет ее кровь? Спасет. На день или два. Или на бесконечно долгий год, который будет преисполнен сожаления. Гриму надо больше.

– Или целую флягу. Там хватит, чтобы созрела твоя икра.

Но не хватит, чтобы она прижилась. Иссяк Горячий ключ, и Верхний мир отвернулся от изнанки. Так стоит ли мучиться?

Руки сами протянулись к фляге. Пальцы схватили горячее серебро, и Грим сказал:

– Она поведет их к Хеороту. Больше некуда.

И спеша сбежать, Грим нырнул в ледяное море. Уже на дне, в пещере, столь напоминавшей ему дом, он приник к фляге. Но крови в ней было лишь на полглотка. Да и сама фляга рассыпалась, потекла меж пальцев белым речным песком. Оседали крупинки его на перламутровые раковины, забивались в зеленые перины из водорослей. Плакал обманутый Грим. И в жемчуг черный превращались слезы. Больше всех жалко было Гриму девочку, которая теперь точно умрет. А Грим спас бы. Спрятал. Защитил.

И от горя, обиды сделал он то, что делал всегда: взялся за скрипку.

Горькую песню сыграла она. И волны подхватывали ее, понесли через море к самому берегу. К той, которая точно услышит... вдруг да предупреждение это отсрочит неминуемую гибель.

Глава 5. Ульдры, коровы и сны

Шли и шли. Джек и сам устал, а девчонка и вовсе спотыкалась на каждом шаге, но плелась, вцепившись в руку Алекса. А тот словно позабыл про то, что надо злиться. Если бы Алекс злился, Джеку было бы легче. На злость злостью ответить – это запросто. А когда тебя взяли и простили, ничего взамен не потребовав, вот тут уж как-то неудобно.

Это неудобство сидело глубоко внутри, наверное, рядом с сердцем, а может и глубже. Оно мешало.

– Я сам по себе, – десятый раз повторил Джек, и Снот только хвостом дернула.

И она не стала ругаться. Джек ждал. Готовился ответить, и про Вёлунда, и про копые, а она лишь глянула с прищуром и сказала:

– Надо идти. Камень-то выбрось. К чему тебе?

Джек послушал. И вправду – на кой камень, когда копые есть.

Ну и пошли. Кошка впереди, дорогу показывая, за нею Джек, а уже сзади и Алекс с девчонкой. Честно говоря, Джек рад был, что она не умерла.

Путаными были мысли, непривычными. А берег все не заканчивался. Изредка белый камень сменялся серым, а то и красным, но такие места кошка обходила.

– Долго еще? – спросил Джек у Советницы.

– А что?

– Ничего.

Не для себя Джек спрашивал: сам он хоть целый день идти готов был – ну или почти целый – но девчонка слабенькая. Наверное. Она ж болела. Джек тоже как-то болел. Плохо было. Жарко. И в голове стучало, как будто позабытые воспоминания на волю просились, а у него не было сил впустить их.

Точнее Джек точно знал, что впускать воспоминания нельзя. А они ломались. Наверное, проломил бы голову, когда б не матушка Вала с ее горькой настойкой.

Поила. Вышептывала. Трясла метелкой из птичьих перьев и костей. Жгла травки и череп собачий на живот ставила. Череп Джек особенно хорошо запомнил, потому как, очнувшись, увидел уже не череп – голову на коротком обручке шеи. Голова скалилась, рычала и была настолько тяжелой, что у Джека едва-едва хватало сил дышать. И тогда собачья голова стала дышать за Джека. Она втягивала воздух носом, и выдыхала через рот – вязкие кисельные клубы. К утру голова тоже устала и, заскулив, отвалилась. Матушка Вала сказала, что Джеку причудилось, но он точно знал – была голова. Иначе откуда тот круглый синяк на животе? Как бы там ни было, Матушка Вала прогнала болезнь, но не слабость. Джек еще долго отлеживался, не решаясь выйти из хижины...

Матушка Вала его продала. И другие продадут, если случай выпадет. Нету у Джека друзей. Разве что копые. Оно лежало в руке, такое удобное, легкое. И Джек за все сокровища мира не отдал бы Гунгнир.

Чудное имя. Почти как у Джека. Хотя Джеково – ненастоящее.

Знать бы, как его раньше звали. Кем он был. И кто он есть. Владелец? Смешно. Только смеяться не тянет, и копые лишь плотней к руке льнет.

– Почти пришли, – сказала кошка. – В доме отдохнете.

Не было никакого дома, только холм с лысой верхушкой. У подножия его паслись белые коровы. Крутобокие, круторогие, они вяло переступали с ноги на ногу и обкусывали камни. Камни хрустели. Коровьи хвосты плясали от бока к боку, отгоняя снежную мошкарку. Подрагивали ресницы-опахала, а в лиловых очах таилась печаль.

– Какие красивые, – сказала Юлька и тише добавила. – У бабушки тоже корова была. Раньше. Молоко давала. Я люблю молоко.

На признание это корова ответила ревом. И каменная гора разломилась, а из трещины вышла девушка. Была она высокой и очень красивой. Такой красивой, что Джек смотрел и насмотреться не мог. А когда моргнул, то понял, что не помнит ее лица, и вновь на него глянул, и вновь залюбовался.

А очнулся, только когда Алекс толкнул плечом и сказал:

– Не спи.

Джек и не спал. Но вот коровы исчезли куда-то, от них остались лишь обгрызенные камни и трехпалые следы на тонком снежном покрове.

– А где? – Джек сжал копые, потому как лишь оно во всем мире не станет врать ему.

– Уже там, – Алекс указал на трещину в холме. – Чего с тобой?

– Ничего.

Наверное, мама была такой же красивой... конечно, поэтому Джек и застыл. Вспомнил? Почти вспомнил. Малости не хватило – Алекс помешал. И надо бы разозлиться, но злости уже нет, обида только.

Почему его, Джека, бросили? Почему не искали? Не нашли? Оставили на попечение безумной старухи. А та взяла и продала. Так нечестно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.